Санкт-Петербургский государственный университет

Историко-философский анализ политических утопий

Выпускная квалификационная работа по направлению Философия

Основная образовательная программа Философия политики и права

Исполнитель:

Пащенко Эвелина Владимировна.

Научный руководитель:

доктор философских наук,

заведующий кафедрой

истории философии, профессор

Осипов Игорь Дмитриевич

Рецензент:

доктор философских наук,

заведующий кафедрой философии

профессор

Полатайко Сергей Васильевич

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение……...……3

Глава 1. Истоки утопии…….8

1. Легенды о рае…….8

2. Два комментария к «Государству» Платона…….13

Глава 2. Утопия как дух буржуазной революции……28

2.1. Теория общественного договора как рационалистическая утопия…….. 28

2.2. Две утопии либерализма…….43

Глава 3. Утопия на практике……57

3.1. Крах утопических общин…….57

3.2. Марксизм и утопический социализм…….69

Заключение……..82

Список использованной литературы…….85

Список интернет-ресурсов……..…87

Введение

Утопия является неотъемлемой чертой человеческой мысли. Будучи, в широком смысле слова, мечтой человечества о лучшем мироустройстве и одновременно критикой существующего порядка, она сопровождает цивилизацию с древних времен, начиная с легенд о «золотом веке» и заканчивая популярными антиутопиями типа «Голодных игр» и «Дивергента». Однако, хотя наше мышление утопично по своей сути, тенденция в его проявлении все-таки изменилась.

Классическая утопия Платона, эпохи Просвещения и Нового времени рисовала совершенный мир, в котором, в котором раз и навсегда был установлен разумный, истинный порядок и гармония на основе всеобщих принципов и выведенных из них обязанностей. Но если для классических утопистов этот совершенный мир был недосягаемым идеалом, то для нас эта мечта является реальным, иногда неудачным историческим опытом. Отсюда и свойственное нашему времени недоверие к политикам, которые слишком красиво рисуют будущее, не уточняя, как и какой ценой это должно быть достигнуто. Слишком еще свеж опыт фашизма и коммунизма – систем, которые пытались построить совершенное общество. И в то же время наблюдается огромная популярность антиутопий, которые уже не рассказывают о «земле обетованной», а наоборот, во много раз преувеличивают зло, которое мы уже не замечаем в повседневной жизни, более выпукло и наглядно демонстрируют то, к чему приведут тенденции сегодняшнего дня.

Понятие утопии многообразно и неоднозначно, поэтому не существует одного единственного, исчерпывающего ее определения. «Даже беглое знакомство с утопической литературой убеждает, что утопия – это феномен, объединяющий разнородные посылки и широкий аспект оппозиций: факт и вымысел, возможное и невероятное, здравомыслие и безумие, реальное и фантастическое, историческое и легендарное, сознательное и

бессознательное»[1]. Поэтому «в современной социологии и философии отсутствует общепризнанная концепция утопии, а ее генезис, структура и функции по-прежнему остаются предметом разногласий и дискуссий»[2].

В наиболее общем смысле, можно определить утопию как представление человека о самом верном способе совместной жизни людей. Это представление обусловлено исторически, культурно, социально, связано с научно-техническим прогрессом и просвещением. Утопия всегда создается конкретным человеком в конкретной исторической ситуации, в основе ее – определенный уровень знаний и открытий, а также акцентирование внимания на конкретных проблемах реально существующего общества. В узком смысле, в данном случае политическом, мы определим утопию как идеальный проект организации власти и государства, который подрывает существующий политический, экономический и правовой порядок и который, словно локомотив, тянет человечество к осуществлению общественного идеала – счастливой, комфортной и полноценной жизни.

Проблема утопии актуальна. Действительно, цивилизация в основном победила голод и эпидемии, обеспечила относительную зажиточность населения, полки в супермаркетах ломятся от товаров на самый изощренный вкус. Люди в большинстве своем избавлены от необходимости выживать, у них есть время для досуга и всевозможных развлечений. Казалось бы, всего этого достаточно для того, чтобы человек был счастлив. Но почему-то ни новые научные открытия, ни очередная революция не может дать людям того, чего они жаждут. Люди не перестают мечтать о том, как хорошо будет после войны или революции, с новым президентом или при новом государственном строе. Или наоборот, как сладко жилось «при царе Горохе»… Но каждый раз при установлении нового порядка они кричат, что это не то, за что они боролись. Откуда-то есть эта незыблемая вера в то, что

---

[1] Кирвель Ч.С. Утопическое сознание: Сущность, социально-политические функции. Минск. 1989. С. 16.

[2] Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: 1982. С.12.

где-нибудь или когда-нибудь людям было или будет лучше, чем здесь и сейчас. Можно установить новый политический режим, гражданство, религию, но желанный идеал по-прежнему недосягаем. Со временем люди просто перестают верить в то, смена условий жизни может сделать их счастливее. Видимо проблема счастья человеческого кроется не в условиях жизни, а носит экзистенциальный характер.

Степень разработанности темы: Как уже было отмечено, проблема утопии для философии традиционно актуальна, поэтому накоплено внушительное количество исследований, как в отечественной, так и в зарубежной мысли. Значительный вклад в изучение утопии был внесен К. Мангеймом, Л. Мэмфордом, Е. Шацким, А. Свентоховским, О. Тоффлером, К. Поппером, Э. Блохом, П. Тейяром де Шарденом и многими другими представителями западной философии. Переводы и публикации их работ позволили рассмотреть утопию во всем ее многообразии и неоднозначности как неотъемлемый компонент духовной культуры общества.

Среди отечественных исследователей наибольших успехов в разработке проблематики утопии достигли В.А. Чаликова, Э.Я Баталов, В.П. Волгин, В.Г. Федотова и многие другие. Были выявлены виды, формы и жанры утопии, уточнены ее философские, социальные и художественно-литературные характеристики. Достаточно полно изучена история формирования утопических учений, их географическая, национальная и культурно-ценностная обусловленность. Для современной литературы также характерно переосмысление истории утопической мысли как представления об идеальном обществе и ее ценностей в современных политических, экономических и культурных условиях. В работах Э.Я. Гальцевой, Р.А. Гуторова и А.И. Пономаревой был также дан сравнительный анализ утопий России, Востока и Запада, выявлено общее и различное в их сущностных характеристиках. Был также проведен анализ влияния утопического сознания на исторические события, политические ситуации и культурные феномены в

исследованиях Г.С Батыгина, А.И. Клибанова, М.К. Мамардашвили, Н.А. Бердяева и других представителей отечественной мысли.

Цель диссертационного исследования состоит в определении и обосновании возможности, значения и эффективности утопии как инструмента для критического осмысления государственного устройства.

Поставленная цель обусловила выбор следующих **исследовательских задач:**

1) рассмотреть политическую утопию как социальный феномен, во многом определявший развитие общества и государства;
2) выявить исторические и философские основания политической утопии;
3) провести сравнительный анализ политических утопий разных эпох с точки зрения двух функций утопии: критической и политико-проективной.

Гипотеза исследования заключается в том, что общество является очень сложным и противоречивым механизмом взаимодействия различных процессов, людей и взаимоотношений между ними, поэтому невозможно просчитать и учесть все возможные варианты его развития и организовать его функционирование всего лишь на нескольких простых принципах, также как невозможно предсказать и подчинить нормам противоречивую природу человека. В этом смысле утопия может существовать только с точки зрения своей критической функции, то есть в виде системы ценностей и идеалов, при помощи которой мы оцениваем качество государственного устройства, но никак не в виде действительного государства. Ведь идеал как качественное состояние всегда статичен, а политическая утопия как реальное государство претендует на логическую конечность и замкнутость системы, где невозможно никакое развитие или изменение.

Методологическая стратегия исследования заключается в проведении историко-философского анализа политической утопии с точки зрения двух ее функций:

1) Построение нового, «правильного» общества как замкнутого и статичного мира (политико-проективная);

2) Критический взгляд утопии на общественное устройство. Утопия движет пересобиранием, совершенствованием и осмыслением общества (критическая).

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, шести параграфов, в которых решаются поставленные исследовательские задачи, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Истоки утопии

1. Легенды о рае.

Человечество проявляет удивительную способность идеализировать прошлое. Почти все религии мира повествуют о «золотом веке», эпохе всеобщего счастья и благоденствия и совершенства начала всех вещей. Многие элементы библейского рассказа о древнем земном рае были известны уже шумерам, рассказывающим о божественной стране, где «...не было змей, не было скорпионов, не было гиен и не было львов, не было ни диких собак, ни волков, не было ни страха, ни ужаса, и человек не имел врагов»[3]. Древнегреческий поэт Гесиод, живший на рубеже VII — VI веков до н. э., в поэме «Труды и дни» повествует о пяти веках жизни человечества: золотом, серебряном, медном, троянском и железном, выделив Золотой век, во времена которого люди жили счастливо: «жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою, горя не зная, не зная трудов. И печальная старость к ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили. А умирали, как будто объятые сном»[4]. Древние греки и римляне воспевали легендарную Атлантиду и Аркадию, достигших небывалого культурного и военного величия. Впрочем, примеры можно приводить без конца, поскольку, как мы уже говорили, миф о золотом веке воспроизводится человечеством стихийно и безустанно. Это самая частая и, возможно, самая бесплодная мечта, свидетельствующая о постоянной потребности человека в рациональной организации общества,

Некоторые исследователи связывают окончание Золотого века с переходом от кочевого образа жизни к оседлому, который, в свою очередь, сопровождался переходом от экономики присваивающей к экономике производящей. Этот процесс сопровождался бурным развитием экономической, социальной и культурной сфер жизни первобытного общества, а также сформировал условия для возникновения важных

---

[3] Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М.: 1965. С.250.

[4] Гесиод. Работы и дни [Электронный текст]. URL: http://www.ae-lib.org.ua/texts с/ hesiod__opera_et_dies__ru.htm (Дата обращения 9.05.2017)

социальных проблем. Ушло в прошлое экономическое и социальное равенство, принципы естественного разделения труда и изобилие продуктов в связи с возросшими потребностями людей. Время собирателей и охотников стало казаться раем, красивую легенду о котором на протяжении многих веков передавали из уст в уста.

Желая превратить мифическое прошлое в современное настоящее, древнегреческий философ Платон систематизировал мифические представления об идеальном мироустройстве, описав не только преимущества Золотого века, но и закономерности его достижения. Во главу идеального государства Платон ставит философов, в чьем лице государственная власть и философия сливаются воедино. Причиной необходимости именно философского правления является способность философа не мнить, а постигать истинную суть вещей. «Философы - это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей»[5]. «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино - государственная власть и философия, и пока не будут в обязательном порядке отстранены те люди - их много, - которые ныне порознь стремятся либо к власти, либо к философии, до тех пор, дорогой Главкон, государствам не избавиться от зол»[6]. Философ, которому присуща природная любовь к мудрости, способен не придавать значения красивым вещам, но наслаждаться красотой самой по себе. К сожалению, по мнению самого Платона, ни одно из существовавших на тот момент государств не было достойно такого правителя. Ведь неправильный государственный строй опасен для философа и может исказить его совершенную природу.

---

[5] Платон. Государство [Электронный текст]. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos06.htm (Lata обращения 10.02.2017).

[6] Там же.

В основе идеального государства Платона лежат четыре добродетели: мудрость, мужество, рассудительность и справедливость. Так, идеальное государство мудро, так как в нем разумно организовано государственное управление и решение вопросов внешней и внутренней политики. Это мудрое правление осуществляется небольшой и наилучшей частью населения, обладающей для этого необходимыми способностями. Идеальное государство мужественно за счет другой части населения – стражей, бесстрашных и великолепно подготовленных в военном деле. Идеальное государство рассудительно, поскольку его граждане способны подчинять необдуманные желания большинства рациональным желаниям меньшинства. Эта добродетель не соответствует конкретной части населения, но настраивает на гармоничный лад все государство. Наконец, идеальное государство, безусловно, справедливо. Это означает, что каждое из трех сословий (правители, стражи, ремесленники) занимаются тем, к чему наиболее способны по своей природе. Принципиальное невмешательство в чужие дела, преданность своему делу и сословию, соблюдение законов и порядка вообще является справедливым и соответствует порядку всего мироздания. «В вопросе совершенства государства способность каждого гражданина делать свое дело соперничает с мудростью, рассудительностью и мужеством»[7].

В идеальном государстве нет собственности, поскольку она является наибольшим злом и вносит раздор в единство граждан. Государство связывает общность радости и скорби. Обособленность в этих переживаниях нарушает связь между людьми и подрывает основы государства. Отсутствие всякой собственности, кроме своего тела, является гарантией исчезновения тяжб и взаимных обвинений, всегда возникающих из-за имущества, женщин, детей и родственников.

---

[7] Платон. Государство [Электронный текст]. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos06.htm (Дата обращения 10.02.2017).

В основе идеального государства лежит идеальный человек. По мнению Платона, причиной возникновения государства является неспособность людей в одиночку удовлетворить свои потребности. Испытывая нужду, они объединяются для совместной жизни, помогая друг другу. Нет ничего важнее того, чтобы сделать это общение разумным и правильным. А поскольку все войны и конфликты исходят из природы человека, полной эгоизма, жадности и прочих страстей, необходимо в первую очередь научиться эту природу контролировать.

Евгеника как систематизированное знание об управлении человеческой природой лишь к концу XX столетия оформилась в самостоятельную научную дисциплину. Однако, корни ее уходят на тысячелетия назад, опять же в миф о Золотом веке, когда люди были совершенны и щедро одарены силой, красотой и бессмертием. Со временем, по причине преступлений (первородного греха, убийства соплеменников), нарушения законов Природы и Бога, козней злых духов, они утратили эти качества. Мир погряз в болоте страстей, сеявших распри между людьми и затмевающими разум. Восстановить совершенство совместной жизни можно лишь путем ее разумной организации и упорядочивания. Наиболее эффективным и проверенным временем методом является использования различных практик по улучшению пород домашнего скота: тщательный подбор партнеров, контроль над деторождением, качеством и количеством потомства, уничтожение некачественного приплода. Именно Платон впервые использовал эти практики для построения государственного строя, благодаря им идеального.

Сословие стражей, занимающееся охраной государства от внешних врагов и внутреннего правопорядка, имеет общий быт и трапезы. Более того, эта общность распространяется на женщин и детей. К слову, различие мужской и женской природы не имеет никакого отношения к государственной сфере. Поэтому женщина может и должна стать стражем, если обладает необходимыми природными задатками и добродетелями. Обучаются они

вместе и наравне с мужчинами гимнастическому, мусическому искусствам и военному делу. Что касается семьи, то лучших мужчин сводят только с лучшими женщинами, а худших – с худшими, от чего напрямую зависит качество потомства. Для разумного подбора партнеров устраиваются специальные празднества, где сводят юношей и девушек для вступления в законный и священный союз, в котором должны рождаться дети. «Правильное» потомство, то есть зачатое по закону, воспитывается отдельно и наилучшим образом. «Неправильное», наихудшее потомство, рожденное без одобрения государства неподходящими друг другу людьми, подлежит уничтожению. Рождение и воспитание детей является важнейшей государственной задачей, оно должно освящаться жертвоприношениями и молитвой. Государство также должно контролировать количество новорожденных, ибо «государство можно увеличивать лишь до тех пор, пока оно не перестает быть единым, но не более этого»[8]. С точки зрения Ю.В. Хена, при построении государства природа и личность человека полностью подчиняется потребностям государства, растворяется в нем.[9]

Античная утопия, безусловно, является первым критическим переосмыслением социальной действительности. Античные утописты создали в своих произведениях каноны идеального общественного устройства, озвучили общечеловеческие идеалы равенства, отсутствия войн, конфликтов, полное удовлетворение потребностей, возможность жить в свое удовольствие и творчески развиваться как гарантии счастливой жизни и заложили основы для утопических размышлений следующих поколений философов. Некоторые исследователи с юмором отмечают, что всю последующую утопическую мысль можно рассматривать в качестве комментария к «Государству» Платона.

---

[8] Платон. Государство [Электронный текст]. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos06.htm (Дата обращения 10.02.2017).

[9] Ю.В. Хен. Цели и средства евгеники (этический и естественно-научный статус дисциплины)// Философия науки и техники. 2005. Т. 11. № 1. С. 243-260.

2. Два комментария к «Государству» Платона.

Наиболее известными и яркими такими «комментариями» являются, безусловно, «Утопия» Т. Мора и «Город Солнца» Т. Кампанеллы. В своих утопических проектах Мор и Кампанелла создали идеальное государство, настоящий рай на земле, где все свободны и равны, где неизвестны нужда и эксплуатация, невежество и религиозная нетерпимость, праздность и непосильный труд. Мудрые правители учредили благодетельные социальные институты, оградили свое государство от остального мира и создали, таким образом, своим гражданам условия для достижения максимального счастья.

Каждая эпоха, по мнению Ежи Шацкого, порождает свои утопии. Обращаются ли они к прошлому или ищут идеал общественного устройства в будущем – так или иначе они несут на себе отпечаток того времени и места, в которых возникли. «Тут нет ничего удивительного, ведь утопии — это ответы не только на вечные вопросы об экзистенции человека, но также на вопросы конкретных исторических обществ»[10]. Так, «Утопия» и «Город Солнца», являясь, с одной стороны, интеллектуальным развлечением и не содержа в себе никаких практических рекомендаций по построению справедливого общества, в то же время представляют собой критический взгляд на Англию и Италию XVI – XVII веков.

Главным источником несправедливого устройства Англии и европейских государств вообще Мор видит в частной собственности, которая по большей части находится во владении небольшого числа людей. «Где только есть частная собственность, где все мерят на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел»[11]. «Распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то и у

---

[10] Шацкий Е. Утопия и традиция. М. Прогресс. 1990. С.46

[11] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С. 40.

наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей»[12]. Разумеется, частная собственность может быть ограничена. Можно установить предел земельного и денежного имущества, издать законы, ограничивающие власть короля и своеволие народа и ввести запрет на подкуп и продажу должностей. Для граждан Утопии очевидно, что все эти меры могут несколько облегчить состояние общества, но никак не вылечить его. Поэтому в основе их общественного порядка лежит отсутствие частной собственности, справедливый раздел прав, обязанностей и богатств между всеми членами общества. В этом смысле «комментаторы» превзошли Платона, распространив общность имущества на все общество, а не на отдельные его сословия. Утопия является республикой, управляемой выборными должностными лицами. Каждые тридцать семейств выбирают себе сифогранта. Над десятью сифогрантами и их семействами, в свою очередь, стоит транибор. Они ежегодно переизбираются. Траниборы, а всего их двести, выбирают на пожизненный срок князя, который и руководит страной от лица народа.

Город Солнца также является республикой. Верховный правитель - священник, именующийся на их языке Солнце, но мы могли бы назвать его Метафизиком. Он избирается народом, и не потому, что принадлежит к знатному роду или господствующей партии, но потому, что является самым ученым жителем города, знающим историю, законы, обычаи и религиозные обряды всех народов. Метафизик владеет всеми ремеслами, физическими, математическими и астрологическими науками, особенно тонкостями метафизики и богословия. Он может даже быть совершенно неопытным в делах государственного правления, но в силу своей мудрости он никогда не будет жестоким тираном или преступником. Кампанелла, будучи верным последователем Платона и Мора (Платона даже в большей степени), также упразднил частную собственность. «У них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и

[12] Там же. С.56.

наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить. Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие»[13]. «Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине»[14]. «Все, в чем они нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получил больше, чем следует, никому, однако, не отказывая в необходимом»[15].

Однако, несмотря на республиканский строй и общность имущества, после внимательного ознакомления с бытом утопийцев не может не возникнуть некоторое сомнение в равенстве граждан. «Что касается прочих несовершеннолетних…, то они или прислуживают сидящим, или, если не могут этого по своим летам, все же стоят тут, и притом в глубоком молчании. И те и другие питаются тем, что им дадут сидящие, и не имеют иного отдельного времени для еды»[16]. «Место в середине первого стола считается наивысшим…, здесь сидят сифогрант и его жена… а если в этой сифогрантии есть храм, то священник и его жена садятся с сифогрантом»[17]. «Блюда с едой подаются не подряд, начиная с первого места, а каждым лучшим кушаньем обносят прежде всего всех старейших, места которых особо отмечены, а потом этим блюдом в равных долях обслуживают остальных»[18]. Не видим мы и равенства политических прав, так как получить должность могут лишь граждане, преуспевшие в науке. «Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, траниборов и,

---

[13] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С.51.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 55.

[17] Там же.

[18] Там же. С.31.

наконец, самого главу государства»[19]. К тому же, утопийцы-интеллектуалы избавлены от занятия земледелием, обязательного для остальных граждан. Все это существенно ущемляет права среднего утопийца – ремесленника и земледельца.

Таким образом, мы ясно видим организованную на различных уровнях власть и гарантируемые каждым уровнем привилегии, которые Мор, к слову, в своем идеальном государстве оставил. И это неудивительно, если учесть, что привилегии были практически основанием мира, в котором жил Мор. Уже в силу этого он мог лишь заменить старые привилегии, основанные на частной собственности и знатности рода, на новые, более гуманистические и справедливые, которые можно заслужить благодаря доблести, образованности, нравственному совершенству и пожилому возрасту. Интересно, что существование привилегий отнюдь не противоречит подлинному равенству и справедливости в понимании утопийцев. За этим кроется античное представление о равенстве и его разделение на арифметическое (уравнивающее) и геометрическое (пропорциональное). Как бы ни шагал Мор впереди своих современников, ему все же было чуждо представление о равенстве как о поголовном уравнении граждан во всех правах и свободах. Защищая свой идеал равенства, основанный на доблести и талантах, он обнажает социальные рамки исторической эпохи, ограничивающие его мысль.

Далее, Мор обличает несправедливость и неэффективность английской системы наказания. Один из героев «Утопии», по-видимому, англичанин, с восторгом описывает строгое английское правосудие, от которого не скрыться ни одному вору. При этом, он наивно удивляется, что несмотря на то, что на одной только виселице зачастую вешают друг за другом 20 преступников, повсюду не прекращается разбой. В этом, отвечает Мор устами Рафаила Гитлодея, нет ничего удивительного, так как «ни одно

---

[19] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С.45.

наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание». «В самом деле, вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать»[20]. Англичанин возражает на это, что существуют различные ремесла и земледелие, благодаря которым можно честно зарабатывать себе на жизнь, но воры, несмотря на это, предпочли быть ворами. В ответ Гитлодей снова нападает на него, напоминая о калеках, отдавших свои члены во имя короля, убожество и физическая неполноценность которых не позволяет им вернуться к достойному ремеслу.

Мор остро ощущает бесполезность и бесчеловечность такого правосудия, которое для самых разных преступлений предусматривает одно и то же наказание в виде смертной казни. Мор прекрасно понимал, что преступность возникала, в первую очередь, из-за неблагополучных социальных условий жизни. В то же время он не верил, что человеческую природу можно усовершенствовать окончательно даже при самых справедливых общественных условиях, поэтому при упразднении частной собственности и насилия капиталистов преступность ощутимо сократится, но не исчезнет совсем. Поэтому на острове Утопия есть эффективная и полезная для государства и общества система наказаний, главным из которых является рабство, что еще раз наглядно доказывает, насколько сильно «Золотая книга» оказалась связана с тогдашней действительностью, а именно с открытием Нового света и колониальной политикой европейских государств. Начиная с колоний Португалии в Азии и колоний Испании в Северной и Южной Америке, с конца XV до конца XVIII века вся Северная и Южная Америка, Индия и некоторые территории Австралии и Африки находились во власти Англии, Франции, Испании, Португалии и Голландии.

---

[20] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С.31

Изначально колониализм мотивировался поиском золота и серебра для использования в качестве денег, и пряностей, особенно черного перца. Со временем в новых колониях, в частности, в Северной Америке, Бразилии и странах Карибского бассейна были созданы плантации для выращивания и поставки в Европу тростникового сахара, каучука, хлопка и табака. Ни для кого не секрет, что на этих плантациях применялся труд чернокожих рабов, в огромном количестве вывезенных из Африки. Более того, в Англии даже спустя много лет после публикации «Утопии» рабы являлись совершенно обыденным фактом, коим они являются и в «Утопии». Однако в понимании природы рабства Мор расходится с Платоном, чьим преемником он, очевидно, является. Рабство в античности объяснялось особой рабской природой, свойственной некоторым людям, поэтому они рабы именно согласно естественному порядку вещей. Мор же, напротив, приписывает рабству чисто утилитарное значение. Рабам поручается самая тяжелая и грязная работа, которая может оказаться вредной для достойных граждан острова. Достойных, то есть законопослушных и не нарушивших гармоничный порядок государства, в отличие от рабов, уличенных в измене или ином прелюбодеянии. Такое наказание, с одной стороны, носит воспитательный характер для правонарушителя и остальных граждан, а с другой – очень полезно для государства, ведь кто-то должен выполнять самые грязные и морально разлагающие работы, от которых наверняка откажутся свободные и порядочные граждане. Рабство в качестве наказания, таким образом, имеет вид общественных работ, что, с точки зрения Мора, более гуманно и экономически выгодно, нежели распространенная в его время смертная казнь.

Еще один аспект критики Мора направлен на существование огромного числа знати, которая, «подобно трутням, живет праздно, трудами других, именно - арендаторов своих поместий, которых для увеличения доходов стрижет до живого мяса»[21]. Аристократы окружают себя огромной свитой

[21] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С.32.

слуг и телохранителей, не знающих иного способа заработка, кроме того, чтобы поднести господину вино или ночную сорочку. Как только их господин умирает или же его слуги заболевают, их прогоняют прочь. Не обученные ни одному ремеслу, износив до дыр платье, покрытые лохмотьями и больные они оказываются никому ненужными и так или иначе оказываются преступниками на виселице. Кампанелла, в свою очередь, обличает итальянскую аристократию: «в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные, пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д. и множество народа портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей»[22].

Следующий пункт Мора в обвинении знати – чрезмерное и губительное увлечение суконным делом. «Ваши овцы, - говорит Гитлодей - обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города».[23] Действительно, в результате Великих географических открытий Англия оказалась на пересечении торговых путей между Европой и Америкой, что привело к большим изменениям в экономике страны. Начинается мануфактурное производство, а вместе с ним вырос спрос на шерсть в Англии и за ее границами. Экономические выгоды овцеводства и торговли шерстью были очевидны. Постепенно сукноделие стало главной отраслью английского производства, а шерстяное сукно, составлявшее около 82% национального экспорта, называли источником жизни всей торговли и промышленности королевства. Однако свободных

[22] Там же. С.143.

[23] Там же. С.34.

площадей для пастбищ не хватало, поэтому английское дворянство решилось на открытое нарушение крестьянских прав и захватило сначала общинные угодья, а затем и пахотные земли, которые огораживали изгородями или рвами. Захваченные земли засеивали травой и превращали в пастбища. «Всего один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, он выбрасывает вон арендаторов, лишает их - или опутанных обманом, или подавленных насилием - даже их собственного достояния или, замучив обидами, вынуждает к продаже его»[24]. Там, где раньше тысячи крестьян жили и возделывали урожай, теперь паслись огромные отары овец.

Монархи из династии Тюдоров регулярно запрещали огораживания, принимая законы о поддержании земледелия и восстановлении пашни, но английское дворянство игнорировало их. И такое неуважение закона, в целом, сходило им с рук, так как короли больше были заинтересованы в укреплении внешних торговых связей и расширении границ государства, чем в разумной внутренней политике. В этом им действительно можно отдать должное, ведь концу XVI века английская торговля распространилась на рынки во всех известных частях света. Приобретя поистине мировой характер торговли, Англия вооружилась собственным флотом и избавилась от посредничества венецианских и ганзейских купцов. К сожалению, это произошло, во-первых, за счет сильного увеличения масштабов конверсии пахотных земель в пастбища. В результате Англия, ранее экспортировавшая зерно, ощутила его нехватку и стала закупать у соседей. Во-вторых, изгнанные со своих наделов и лишенные жилищ крестьяне остались без средств существования, так как уровень развития городских и сельских мануфактур не позволял поглотить такую массу безработных. «Как бродяги, они попадают в тюрьму за свое праздное хождение, - никто ведь не нанимает их труд, хотя они самым пламенным образом предлагают его. А хлебопашеству, к которому они привыкли, нечего делать там, где ничего не сеют. Ведь достаточно

[24]Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С.34.

одного овчара или пастуха вообще, чтобы пустить под пастбище ту землю, для надлежащей обработки которой под посев требовалось много рук»[25].

Толпы бродяг и нищих создавали угрозу социальному порядку в королевстве. Не в силах остановить огораживания, Тюдоры перешли к репрессиям против их жертв. Работоспособных бродяг, женщин и детей принудительно загоняли в работные дома, где любой желающий мог нанять их на работу за ничтожную плату и использовать как раба. В случае отказа и неповиновения тому грозили телесные наказания и тюрьма.

Еще одной важной особенностью Утопии и Города Солнца является всеобщая трудовая повинность. Никто не избавлен от занятия земледелием, которому обучают с детства и в котором необходимо отработать определенный срок. В Утопии каждые два года городские и сельские жители меняются местами, городские жители, которые еще не работали в сельском хозяйстве, переезжают в деревню. Помимо земледелия каждый изучает какое-то ремесло. Именно благодаря всеобщему и каждодневному шестичасовому труду достигается не только достаток, но даже изобилие товаров, необходимых для достойной и комфортной жизни. Все товары и продовольствие привозятся на центральный рынок, имеющийся в каждом городе, где каждый может взять себе сколько нужно. Избыток товаров отдается нищим других стран.

Важное место в исследовании утопий отводится семье и браку. Чаще всего, в результате упразднения частной собственности и государственного воспитания детей, брак как институт просто теряет смысл. «Когда семья теряет собственность и все средства материального производства, когда она перестает быть рабочей мастерской и воспитательным заведением, тогда она является разрушенным зданием, от которого остались только две стенки, ничем не связанные, кроме желания существовать вместе»[26]. Тем не менее, в

---

[25] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С 35.

[26] Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. М.: 2012. С.408

Утопии существует моногамный брак, который сами утопийцы сравнивают с покупкой лошади. Ведь довольно глупо покупать лошадь, не сняв с нее попоны и не оглядев ее со всех сторон. Поэтому перед вступлением в брак жениху показывают невесту голой, а невесте – жениха. И хотя не совсем понятны юридические аспекты заключения брачного союза, Мор подчеркивает особое внимание государства к соблюдению целомудрия до брака и взаимной верности супругов. Виновные в прелюбодеянии или измене караются продажей в рабство.

Принципиально иной позиции в этом отношении придерживается Кампанелла. Семья, как и частная собственность, не только не усиливает узы любви и дружбы между людьми, но является причиной развития эгоизма и преступлений. Единственной целью половых отношений является рождение качественного потомства, которое «имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц – лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части дурно производят потомство и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим как за первой основой государственного благосостояния вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица»[27]. Солярии, таким образом, смотрят на деторождение как на религиозный обряд во благо государства. Поэтому начальником деторождения, по совместительству опытным врачом, тщательно подбираются производители и производительницы в соответствии с их физическими данными и чертами характера. Совокупление происходит в определенный час, высчитанный астрологом. «Все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении, и надо ценить природные качества производителей, а не приданое и обманчивую знатность рода»[28].

---

[27] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С 151.

[28] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С.150.

После деторождения вторую по важности роль солярии, в большей степени, чем утопийцы, отводят воспитанию детей. Само собой разумеется, оно находится в руках государства. Отнятый от материнской груди младенец передается на попечение начальников, если это мальчик, и начальниц, если это девочка. До третьего года дети, играя, учатся говорить и читать. По достижении восьми лет они уже знают основы истории и математики и переходят к лекциям по естественным наукам. Помимо теоретических дисциплин они изучают ремесла в мастерских сапожников, кузнецов, пекарей, столяров и живописцев, где выявляются наклонности каждого ребенка. Большое значение придается и воспитанию тела: с малых лет солярии занимаются бегом, гимнастикой, метанием диска и прочими упражнениями, развивающими все члены. По окончанию обучения молодые люди получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего. Таким образом, родившись, в основном, под одним и тем же расположением звезд, солярии похожи по способностям, нраву и наружности, что обеспечивает согласие и гармонию в государстве.

Жизнь утопийцев и соляриев состоит из добродетели и удовольствий. Последние бывают духовными, такими, как поиск истины и размышления об идеальной жизни, и телесными, заключающимися в укреплении тела посредством пищи, избавлении организма от ненужных веществ, в том числе рождении детей. Такие удовольствия добродетельны, так как не противоречат природе и разуму. Именно они, а не обладание дорогими одеждами и драгоценными металлами и камнями дарят ощущение счастья. Утопийцы и солярии искренне наслаждаются заботой о духовном и физическом здоровье, поэтому они красивы, здоровы и счастливы. Отношения между гражданами основаны на честности и справедливости, они бескорыстно помогают слабым и заботятся о больных. Мор и Кампанелла явно противопоставляют своих граждан тому образу раннебуржуазного предпринимателя, который сформировался в Европе XVI века под влиянием бурного развития

производства и торговли, у которого «каждый шаг — шиллинг, каждое слово — сделка».

Далее, в Утопии, с точки зрения Мора, господствует полная свобода совести. При этом великий законодатель Утоп «с неумолимой строгостью запретил всякому ронять так низко достоинство человеческой породы, чтобы доходить до признания, что души гибнут вместе с телом и что весь мир несется зря, без всякого участия Провидения. Поэтому, по их верованиям, после настоящей жизни за пороки назначены наказания, и за добродетель – награды»[29]. Получается, с одной стороны, утопийцы могут свободно выбирать любую религию, а с другой – она должна быть только монотеистической. Никто не имеет права навязывать свою веру или унижать иноверца, но фактически «мыслящего иначе они не признают даже человеком, так как подобная личность приравняла возвышенную часть своей души к презренной и низкой плоти зверей. Такого человека они не считают даже гражданином, так как он, если бы его не удерживал страх, не ставил бы ни во что все уставы и обычаи. Действительно, если этот человек не боится ничего, кроме законов, надеется только на одно свое тело, то какое может быть сомнение в том, что он, угождая лишь своим личным страстям, постарается или искусно обойти государственные законы своего отечества, или преступить их силою? Поэтому человеку с таким образом мыслей утопийцы не оказывают никакого уважения, не дают никакой важной должности и вообще никакой службы. Его считают везде за существо бесполезное и низменное»[30]. Большинство утопийцев верит в единого бога Митру, некоторые почитают Солнце, Луну или кого-либо из древних героев. Так или иначе, все утопийцы признают единого бога, вечного и непостижимого человеческим умом и считают необходимыми три основных догмата: веру в Бога и Провидение, в бессмертие души, в воздаяние за пороки и добродетели в загробном мире. Мы видим здесь равнодушие к

---

[29] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С.117.

[30] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С. 117.

религиозным различиям, но не полную веротерпимость. Бросается в глаза откровенное уничижение атеистов и особые права священников. Такое существенное ограничение свободы совести и привилегированное положение духовенства является еще одним противоречием, которое мы встречаем в социальном устройстве утопий XVI – XVII веков наряду с ранжированием власти, привилегиями, существенными ограничениями прав и свобод граждан, наличием рабства. И ведь это, по мнению А. Сентоховского, отнюдь не случайно. Он метко замечает в отношении Мора, что «англичанин, в особенности же англичанин шестнадцатого столетия, может идти как угодно далеко по всем направлениям радикализма, но никогда не будет атеистом и республиканцем»[31].

Религия занимает особое место и в жизни соляриев. На это намекает символичное расположение храма в самом сердце города. Религия в Городе Солнца представляет собой гармоничное сочетание религии и науки, с уклоном в астрологию. С одной стороны, они поклоняются Солнцу, но «под видом Солнца они созерцают и познают Бога, называя Солнце образом, ликом и живым изваянием Бога, от коего на все находящееся под ним истекает свет, тепло, жизнь, живительные силы и всякие блага. Поэтому и алтарь у них воздвигнут наподобие Солнца, и священнослужители их поклоняются Богу в Солнце и звездах, почитая их за его алтари, а небо – за его храм»[32]. Такому научно-религиозному мировоззрению соответствует и внутреннее убранство храма, где «на алтаре виден только один большой глобус с изображением всего неба и другой - с изображением земли. Затем на своде главного купола нанесены все звезды неба от первой до шестой величины, и под каждой из них указаны в трех стихах ее название и силы, которыми влияет она на земные явления. Имеются там и полюсы, и большие и малые круги, нанесенные в храме перпендикулярно к горизонту, однако не полностью, так как внизу нет стены; но их можно дополнить по тем

[31]Там же.

[32] Там же. С.155.

кругам, которые нанесены на глобусах алтаря»[33]. Почитая Бога в образе Солнца и звезд, солярии поклоняются и Вселенной вообще, понимая ее в духе научной революции как идеальный механизм.

На вершине храма пребывают жрецы, наблюдающие за звездами, При помощи астролябии они отмечают их движение и изучают их воздействие на человека. Наблюдая за звездами, жрецы определяют наилучшее время для зачатия, посева, жатвы и сбора винограда. Они умеют предсказывать изменения, которые должны произойти в различных участках планеты и посылают проверять, действительно ли это случилось, отмечая и верные и ложные предсказания, чтобы впредь предсказывать с наибольшей точностью. Жрецы являются связующим звеном между Богом и людьми.

Несмотря на очевидную для общества XVI-XVII веков фантастичность «Утопии» и «Города Солнца», они все же имеют неоспоримую ценность. Оставаясь, в сущности, всего лишь изысканным развлечением ученых интеллектуалов, они в то же время являются зеркалом своего времени и личности своего творца. Мор, католик и англичанин XVI века так и не смог сделать свою «Утопию» свободномыслящей и бесклассовой республикой. Кампанелла, «проведший большую часть жизни в монастыре или в тюрьме, где все происходит равномерно и по определенному плану, должен был невольно подчиниться влиянию строгого и точного порядка и вырастить в себе наклонности регламентатора. Человек, проведший большую часть жизни над книжками, должен был приписывать ученым наибольшую способность к управлению. Наконец, человек, который до конца жизни не переставал быть верующим священником, должен был поставить во главе государства священника»[34]. Хотя они и опередили свое время с критикой частной собственности и капитализма, который тогда еще только формировался, они уже на начальной стадии увидели существенные недостатки

---

[33] Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. С. 174.

[34] Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. М. 2012. С.80.

капиталистического строя, которые позже будут критиковать социалисты и марксисты XIX века. Сама же «Утопия» вскоре перестала быть всего лишь названием одноименной книги Т. Мора и стала наименованием литературного жанра и стиля мышления.

Глава 2. Утопия как дух буржуазной революции

2.1. Теория общественного договора как рационалистическая утопия.

Концепция естественного права утверждает, что права человека являются отражением законов природы и естественного порядка вещей и присущи человеку уже в силу его человеческой сущности, а не потому, что

провозглашаются государством. Являясь высшим и подлинным по отношению к позитивному праву, естественное право утверждает наличие универсальных и вечных правовых законов, в основе которых лежит божественная истина или отражающий ее человеческий разум. А поскольку все люди обладают одним универсальным разумом, то и естественное право для всех неизменно и одинаково. Таково новое лицо политической утопии. Рационалистической утопии Нового времени.

Основные положения концепции естественного права встречаются уже в трактатах Сократа, Платона, Аристотеля и других философов Античности. С большей юридической обоснованностью и определенностью естественное право обозначилось в древнеримский период. Так, римские юристы наряду с гражданским правом и правом народов выделяли естественное право, которым природа наделила всех живых существ, в том числе животных и птиц. Тем не менее, и римское право в силу своей исторической ограниченности не смогло выработать естественноправовую теорию как таковую, оставив после себя лишь наброски к ней и отдельные высказывания.

Эти наброски подхватили и развили философы эпохи Просвещения и Нового времени, первым из которых был голландский правовед Гуго Гроций (1583—1645). В поисках начал справедливости в международных отношениях он пришел к выводу, что, прежде всего, необходимо понять, что представляет собой право вообще. Определяя его природу, он различает право волеустановленное, зависимое от произвола людей, и право естественное, под которым имеет в виду предписание здравого разума и которое оказывается для него первичным. Разумная природа человека, лежащая в основе естественного права, выступает своеобразным мерилом правильных и неправильных поступков. Так, моральность или аморальность деяния зависит от того, насколько оно противоречит естеству человека, а не позитивному закону.

Утверждая, что «мать естественного права есть сама природа человека»[35], Гроций первым ввел идею естественного права в современном понимании. Во-первых, оно не зависит от воли человека. Во-вторых, что еще более существенно, естественное право не зависит и от воли Бога. «В том, что оно действует, нельзя сомневаться, если даже допустить, что Бога нет или что он не печется о человеческих делах»[36]. «Естественное же право столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом. Подобно тому, как Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро»[37]. При оценке прогрессивности данного утверждения нельзя не учитывать позицию христианской традиции, все еще доминировавшей в то время. Она определяла естественное право в рамках Провидения и ставила его в прямую зависимость от произвола Бога. Хотя Гроций, по сути, был глубоко верующим человеком и неоднократно подкреплял свои суждения выдержками из Священного Писания, он все же сделал первые важные шаги на пути освобождения права от власти религии и создал зачатки светской правовой теории.

Именно переосмысление и десакрализация Гроцием права позволили философам Нового времени обосновать противоестественность феодальных порядков (тогда как ранее при помощи естественного права феодализм не оспаривался, а утверждался) и необходимость сменить их на новые политические институты, которые бы действительно соответствовали человеческой природе. Утверждая прирожденность, неотъемлемость прав каждого человека на жизнь, свободу и участие в общественных и государственных делах, теоретики естественного права предлагали организовать общество на принципах гражданского равенства, свободы и

---

[35] Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994. С. 47.

[36] Там же. С. 50.

[37] Там же. С. 55.

рационализма, что во многом отвечало борьбе формировавшейся буржуазии за политическую власть.

Самым популярным вариантом подобной «организации» для XVII – XVIII веков была теория общественного договора, снова-таки впервые разработанная Гуго Гроцием и далее углубленная и развитая его последователями, наиболее известными и яркими из которых были Гоббс, Дж. Локк и Ж.Ж. Руссо. В самых общих чертах она выглядит следующим образом. До образования государства люди жили в естественном состоянии. Тогда не существовало ни иного закона, кроме закона Природы, неписаного и необязательного к исполнению, ни частной собственности. Люди жили в состоянии анархии, равные, свободные и независимые. В конце концов, они отказываются от части прав и свободы и создают политическое сообщество. И хотя в основе договорных теорий Гроция, Гоббса, Локка и Руссо лежат схожие положения, каждый из них по-своему понимал и естественное состояние, и причины отказа от него, и механизм устройства наиболее подходящего человеческой природе государства.

Гроций выводит происхождение государства из стремления людей друг к другу. «К числу свойств, присущих человеку, относится стремление к общению, или, что то же, общительность, но не всякая общительность, а именно — стремление к спокойному и руководимому собственным разумом общению человека с себе подобными»[38]. Людям хочется жить вместе организованно и разумно. На первых парах принципы естественного права, такие, как «воздержание от чужого имущества, возвращение полученной чужой вещи и возмещение извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения обещаний, возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания»[39], еще отвечают насущным потребностям общежития людей. Но и они на определенном этапе

---

[38] Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994. С. 45.

[39] Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994. С. 49.

оказываются неспособными противостоять насилию, так или иначе возникающему между семействами, вынуждая людей заключить договор о создании государства.

Причина происхождения государства, выдвигаемая Т. Гоббсом (1588 - 1679), кроется в самом понимании естественного состояния, называемого им «войной всех против всех», источник которой - соперничество, недоверие, честолюбие - в самой природе человека. В естественном состоянии не имеет смысла понятие справедливости, так как нет власти и закона, а единственной гарантией жизни и безопасности человека и продуктов его труда является та, которую он обеспечит себе сам. Поэтому человек живет в постоянном страхе, что придет сильный враг и посягнет на его жизнь, свободу и имущество, и этот страх его обедняет, отупляет и делает его жизнь кратковременной. «Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов»[40]. И пока люди живут без единой власти, они будут находиться в условиях войны всех против всех. «Ибо, будучи несогласными во мнениях относительно лучшего использования и применения своих сил, они не помогают, а мешают друг другу и взаимным противодействием сводят свои силы к нулю, вследствие чего они не только легко покоряются немногочисленным, но более сплоченным врагом, но и при отсутствии общего врага ведут друг с другом войну за свои частные интересы»[41].

---

[40] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html#21 (Дата обращения 15.03.2017).

[41] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html#21 (Дата обращения 15.03.2017).

Дж. Локк (1632 - 1704), в отличие от Гоббса, разводит понятие естественного состояния и «войны всех против всех». По его мнению, в естественном состоянии люди жили вместе мирно согласно разуму без какого-либо повелителя. Война – это власть, сила и заявление о готовности ее применить в отношении другого человека. Но естественное состояние – далеко не всегда война. Скорее это «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли»[42]. Порочность людей, отсутствие беспристрастного судьи, разрешающего споры и верховной власти, способной подкрепить справедливый приговор или оспорить несправедливый, показали недостаточность закона природы и вынудили людей заключить соглашение о выходе из естественного состояния.

Апофеозом идеалов свободы и равенства стала теория общественного договора, выдвинутая Ж. Ж. Руссо (1712 - 1778). Он также различает естественное и гражданское состояние общества, но, в отличие от своих предшественников, явно отдает предпочтение первому. Даже Локк, не говоря о Гоббсе, считал переход в гражданское состояние событием позитивным, хотя и признавал, что в естественном состоянии тоже жилось, в принципе, неплохо. Руссо, напротив, не видит в создании государства ничего, кроме утраты первоначального равенства, блаженства и гармонии с матерью-природой. «Пока люди довольствовались грубыми хижинами, пока они пользовались, как одеждой, звериными шкурами, сшиваемыми при помощи рыбьих костей... словом, пока они предавались работам, которые могли делаться одним человеком, и довольствовались искусствами, не требовавшими соединения многих рук, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми; но лишь только один человек почувствовал нужду в

---

[42] Локк Дж. Два трактата о правлении. [Электронный текст]. URL: http://royallib.com/read/lokk_dgon/dva_traktata_o_pravlenii.html#538447 (Дата обращения 15.03.2017)

другом… равенство исчезло, водворилась собственность, обширные леса превратились в веселые поля, которые нужно было теперь орошать потом людей и на которых вскоре увидели всходы рабства и нищеты, возраставшие вместе с посевами хлеба»[43].

Обращение философов Нового времени к естественному состоянию как к некому истоку, первичному состоянию человеческого общества для обоснования несправедливости тогдашнего общества несколько напоминает легенду о Золотом веке. Такое переосмысление древних сказаний обусловлено, прежде всего, эпохой Великих географических открытий XV – XVII веков, принесших сведения о неведанных континентах и культурах. Открытие Нового света не только доказало европейцам, что их цивилизация отнюдь не единственная в мире, но и посеяло сомнение в их умах – может быть их общество не только одно из многих, но еще и не самое лучшее из них? «Путешественники, миссионеры и авторы фантастических путешествий показывали экзотические народы, живущие в естественном состоянии наивности, не знающие деления на «твое» и «мое», почитающие старцев, гостеприимные к чужеземцам, радостные и счастливые. Добрые дикари не платили ни подушной подати, ни подымной, ни сбора с винокурен, ни десятины, их не брали в солдаты, у них не было священников и монахов, им неведомы были привилегии происхождения и богатства. Добрые дикарки рожали без боли и собственной грудью кормили младенцев. Добрые дикари верили в Бога, не зная Откровения, и даже сами не ведали о том, что были деистами. Добрые дикари были добры, добродетельны и благородны, они жили в согласии с законами природы и слушались голоса разума»[44]. Приведенная выше цитата как нельзя лучше характеризует воззрения Руссо. Если Гроций, Гоббс и Локк понимают естественное состояние как незрелую, примитивную стадию развития общества, которую необходимо преодолеть,

---

[43] Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF//RUSSO/prawo.txt (Дата обращения 16.03.2017).

[44] Шацкий Е. Утопия и традиция. М. Прогресс. 1990. С. 63.

то Руссо видит в нем идеал человеческого общежития, который необходимо возродить.

Нельзя обойти стороной и вопрос частной собственности, который также рассматривают философы Нового времени. Гроций и Гоббс лишь вскользь касаются этого аспекта. Гроций утверждал, что частной собственности как таковой в естественном состоянии не было, но была своеобразная система владения вещами, которую он называет «правом на вещи низшего порядка». Первый человек мог овладеть и потребить все, чем только он в состоянии был воспользоваться. И то, «чем каждый овладевал подобным образом, другой не мог у него отнять»[45]. Гоббс не разделял оптимистический взгляд Гроция и считал, что в условиях «войны всех против всех» человек имел такое же право на свое имущество, как и любой другой. Вопрос заключался только в силе: кто сильнее, тот и владеет. Вовсе отрицательно о частной собственности отзывается Руссо. «Первый, кто, огородив кусок земли, выдумал назвать его своим и нашел таких простаков, которые ему поверили, был истинным основателем гражданского общества. Сколько преступлений, сколько войн, сколько убийств, сколько бедствий и ужасов отвратил бы от человеческого рода тот, кто, вырвав шесты и засыпав канаву, закричал бы себе подобным: берегитесь слушать этого обманщика! вы погибли, раз вы забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому»[46].

Наиболее развернутое представление о ней мы находим у Локка. По его мнению, изначально Бог дал человечеству всю собственность во владение сообща и наделил людей разумом для наилучшего ее использования. «И хотя все плоды, которые на ней естественным образом произрастают, и все животные, которых она кормит, принадлежат всему человечеству, так как они являются стихийным порождением природы и находятся в силу этого в естественном состоянии, и никто первоначально не имеет частной

---

[45] Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994. С. 70.

[46] Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF//RUSSO/prawo.txt (Дата обращения 16.03.2017).

собственности»[47]. Однако, с одной стороны, приказав осваивать землю, Бог тем самым дал основания и для ее присвоения, а с другой – без ее присвоения все общее не приносит пользы. Наконец, что важнее всего, «каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав»[48]. Посредством труда человек изымает блага из состояния всеобщего владения, прибавляет нечто сверх того, что было дано природой и, тем самым, утверждает право на владение ими того, кто потратил на них свой труд и силы. Однако, закон природы, давший во владение собственность, ее же и ограничил. Человек может взять столько благ, сколько ему необходимо для жизни, прежде чем они (обычно еда) испортятся. То, что выходит за этот предел, принадлежит другим. Введение денег как непортящегося средства обмена на полезные, но недолговечные блага способствовало развитию собственности. Это также позволило наращивать капитал, за свои излишки получать золото и серебро, которые можно накапливать без ущерба для других, не нарушая закон природы.

Несмотря на некоторые преимущества естественного состояния (свобода, равенство, отсутствие принуждающей власти), люди отказались от него в пользу состояния гражданского. Даже Руссо, ярый защитник быта «добрых дикарей», признавал, что как бы много ни утратили люди при создании государства, выживать дальше «естественно», не говоря уже о том, чтобы развиваться, все равно бы не получилось. Несмотря на вечность и универсальность естественных законов, они противоречат природе и страстям человека. Они нигде не записаны и сами по себе не гарантируют, что их будут исполнять. Рано или поздно люди начинают чувствовать острую необходимость в верховной власти, способной защитить их от врагов, принудить к исполнению законов природы под угрозой наказания и

---

[47] Локк Дж. Два трактата о правлении. [Электронный текст]. URL: http://royallib.com/read/lokk_dgon/dva_traktata_o_pravlenii.html#538447 (Дата обращения 15.03.2017).

[48] Там же.

обеспечить, таким образом, безопасность их жизни и имущества. Такая власть может быть достигнута только путем сосредоточения всей власти в руках одного человека или собрания, которое свело бы воли всех людей воедино. Поскольку все люди равны, свободны и независимы, их нельзя силой вывести из догосударственного состояния и подчинить власти другого. Единственный способ – добровольное соглашение между людьми об объединении в политическое сообщество для удобной, мирной и безопасной жизни. «Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия»[49].

Дружно признавая необходимость единой верховной власти, теоретики общественного договора расходятся в понимании ее структуры. Поначалу теория общественного договора по-прежнему тесно связана с традиционным пониманием государственной власти как абсолютной, неотчуждаемой и неделимой власти одного над всеми, с единственной разницей, что эта власть была не навязана людям, а доверена ими суверену в результате добровольного соглашения. Так, Гроций и Гоббс, вслед за Боденом, оправдывают предоставление суверену широких полномочий и его автономность от народа в решении важнейших вопросов жизни государства. Подчиняясь только установленным Богом естественным законам, он находится над законами гражданскими и обладает неотъемлемыми, неделимыми и непередаваемыми верховными правами, (например, выделение подданным собственности и изымание ее), умаление или отказ от которых, как и разделение верховной власти, приведет к разрушению единства государства и его гибели. Такое верховное право распоряжаться

---

[49] Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html#2 (Дата обращения 15.03.2017).

людьми и их достоянием обосновывается призванием государства обеспечить порядок в обществе. Однако, если Гоббс настаивает, что подданные, договорившись однажды о форме правления и выбрав представителя своей совокупной воли, не могут ни изменить ее, ни обвинить суверена в несправедливости, так как они сами несут ответственность за свой выбор, то Гроций, на взгляды которого повлияло революционное освобождение Голландии от испанского владычества, все-таки оставляет за подданными право не повиноваться волеустановленным законам, «противным естественному праву и божественным заповедям»[50].

Совсем с обратной стороны незыблемое единство власти обосновывает Руссо. Чтобы максимально восполнить людям утрату нравственной чистоты и гармонии, необходимо «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде»[51]. Общество, организованное в согласии с законом природы, в котором человеку было бы так же комфортно, как и в естественном состоянии, которое сохранило бы природные свободу и равенство и с верховной властью, «такой, чтобы она не могла превратиться ни в какое насилие и всегда должна осуществляться по праву положения в обществе и в силу законов»[52], может иметь вид только непосредственного народовластия.

Предполагается, что такой государственный строй наилучшим образом сохраняет преимущества естественного состояния. Основным условием общественного договора является неограниченное, «совершенное

---

[50] Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994. С. 102.

[51] Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF//RUSSO/prawo.txt (Дата обращения 16.03.2017).

[52] Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF//RUSSO/prawo.txt (Дата обращения 16.03.2017).

отчуждение личностью всех своих прав в пользу общества»[53]. Ведь «если бы у частных лиц оставались какие-либо права, то ввиду отсутствия высшего трибунала, который мог бы разрешать споры между ним и обществом, каждый, будучи некоторым образом собственным судьей, скоро вообразил бы себя и судьей всех»[54]. Казалось бы, по логике Руссо, человек, подчиняясь сем, в то же время не подчиняется никому. Однако власть народа всегда оказывается выше отдельной личности, свобода и права которой ничем не обеспечиваются.

Таким образом, если у Гоббса народ передает всю верховную власть над собой суверену, то у Руссо эта власть, неотчуждаемая, неделимая и неограниченная, всецело сохраняется за народом, «ибо воля есть, общая или её нет, т. е. она есть воля всего народа или его части»[55]. При этом «если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным. Ибо таково условие, которое, подчиняя каждого гражданина отечеству, одновременно тем самым ограждает его от всякой личной зависимости: условие это составляет секрет и двигательную силу политической машины, и оно одно только делает законными обязательства в гражданском обществе, которые без этого были бы бессмысленными, тиранническими и открывали бы путь чудовищнейшим злоупотреблениям»[56].

Проповедуя самое непосредственное народовластие, Руссо утверждает, что верховная власть не только не может быть разделена, но и не может быть представлена. «Всякий закон, не утвержденный непосредственно народом, не имеет силы; это и не закон вовсе. Английский народ воображает себя

---

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Там же.

[56] Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF//RUSSO/prawo.txt (Дата обращения 16.03.2017).

свободным и глубоко заблуждается: он свободен лишь во время выборов в парламент, но едва только выборы кончаются, он делается рабом, он ничто. В короткие минуты своей свободы он пользуется ею так, что вполне заслуженно ее теряет»[57]. О равенстве же он пишет следующее: «ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один - быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать»[58].

Гоббс и Руссо, отстаивавшие монолитную верховную власть, оказываются своеобразными крайностями в механизме организации власти. Важным оказывается даже не то, в чьих руках она сосредоточена, одного человека или многих, а то, что в обоих случаях оказываются ущемленными права и свободы отдельной личности. Локк, в отличие от Гоббса бывший уже современником революции в Англии 1688 года, считал такую вопиюще неограниченную власть, при которой суверен оказывается выше гражданского закона и которая неизбежно приводит к тирании, противоречащей естественному праву, а разделение властей – как раз ему наиболее соответствующее. Более того, разделение властей является прямым следствием выхода из естественного состояния, когда человек добровольно передает свое природное право быть судьей и палачом, и изначальным условием возникновения государства и гражданского общества.

Локк, в отличие от Гоббса и Руссо, ставит личность выше государства и общества. Она обладает естественными и неотчуждаемыми правами на жизнь, свободу и собственность, баланс и неприкосновенность которых государство призвано охранять. Оно уже не может беспричинно нарушить свободу и равенство людей или лишить их частной собственности. Таким образом, Локк дополняет естественноправовой проект организации государства идеей верховенства права, принципом разделения верховной

---

[57] Там же.

[58] Там же.

власти на законодательную, исполнительную и судебную, предотвращающим поглощение прав и свобод личности государством. Начиная с Американской декларации независимости (1776) и французской Декларации прав и свобод гражданина (1789), провозглашенные Локком и Руссо естественные права человека на жизнь, свободу, равенство, собственность были закреплены в конституциях всех современных правовых государств. Для нас сегодня естественные права человека являются настолько обыденным и само собой разумеющимся, что мы даже не задумываемся, что когда-то это не было очевидно, что когда-то за эти права нужно было бороться.

В XVI – XVIII веках впервые были обозначены правовые и политические основы гражданского общества. Государство стало пониматься как автономное социальное явление в его связи с человеком, отношениями между людьми, человеческой историей. Оно более не нуждалось в религиозном обосновании. Была провозглашена идея личности, освобожденной от цепей феодализма и наделенная в силу одной только человеческой природы неотчуждаемыми правами и свободами. Наконец, появилась идея о равенстве людей в правовом, религиозном, моральном и политическом отношении. Хотя концепция общественного договора обосновала необходимость перехода от изжившего себя феодального строя к буржуазному, открывающему новые возможности для развития, она все же была утопией в силу следующих причин.

Прежде всего, источником естественного права является абстрактное понимание природы человека «вообще», обладающего неизменными и вечными свойствами и стремлениями. Такое понимание естественного права оказывается оторванным от конкретных исторических условий. И хотя даже такое ограниченное понимание природы права позволило отказаться от представления о государстве как о божественном установлении и сделать значительный шаг вперед на пути улучшения государственного и общественного устройства, оно является чисто умозрительным построением и не может убедительно подтвердить концепцию общественного договора.

Фантастично само представление о том, что такой договор вообще был, что можно ссылаться на него при переустройстве общественного механизма и что многие тысячи людей, погрязшие в социальных и религиозных противоречиях могли просто взять и договориться между собой. Наконец, эта теория не учитывает или просто игнорирует тот факт, что мало одного желания создать государства, для этого необходимы еще и экономические условия.

Во-вторых, в основе концепций общественного договора и естественных прав человека лежит телеологическое представление, согласно которому Природа, общество и человек обладают высшим предназначением и объективным смыслом существования и развития. Однако даже если допустить, что они следуют намеченному «сверху» плану, то построенная на этой основе морально-правовая теория естественных прав столкнется с проблемами. Можно допустить, что человек имеет заданное Богом или Природой предназначение, но разве из этого необходимо следует, что человек обязан ему следовать? Многие вещи, которые мы осуждаем, являются атрибутами как раз «естественного состояния», например, убийство и беспорядочная половая жизнь, встречающиеся в природе на каждом шагу. Так, исходя из концепции естественного права христианско-католическое учение запрещает сексуальные отношения, не имеющие целью деторождение, как неестественные и противоречащие природе. Однако, такие отношения встречается у многих животных, живущих на поводу у природных инстинктов и получается, что однополые отношения естественны, особенно в определенных обстоятельствах. Отказ от «естественных» инстинктов является критерием цивилизованного общества, только вот грань между «естественным» и «противоестественным» оказывается неопределенной и зависит даже не от природы, а от ценностных, в частности религиозных, представлений конкретного общества. Поэтому, современная социальная теория исходит из того, что общество является во многом образованием искусственным и строится как раз на преодолении естественных

побуждений, например, вводит запрет на проявление насилия и агрессии, ограничивает сексуальную активность нормами морали, институтом семьи и брака и т.д.

Теория естественных прав во многом удобна, так как законы, с ее точки зрения, не принимаются, а находятся, поэтому не все можно принять в качестве закона, так как есть некоторые естественные ограничения, высшие законы, нарушив которые закон теряет свой статус легитимного и требующего подчинения. К сожалению, это удобство никак не укрепляет места, уязвимые для критики, а именно, представление о разумном устройстве мира и наличии высших целей в природе, обществе и человеке и о предопределенности моральных и правовых норм Богом или Природой.

Концепция общественного договора, на мой взгляд, представляет собой рационалистическую утопию. «Для рационализма в области общественной философии характерно противопоставление разумного порядка неразумному. Существует некий порядок, соответствующий естественным потребностям человека — человека вообще, независимо от условий времени и места. Этот порядок может быть установлен, «открыт» разумом, выведен им из природы человека. Это и есть разумный или, иначе, естественный строй. Но человек не живет в условиях естественного строя. По неразумию, по ошибке разума он уклонился от велений природы. Существующий общественный строй неестественен и неразумен, он — плод человеческого неведения. Для того, чтобы от него освободиться, необходимо, чтобы свет разума рассеял тьму этого неведения»[59]. В отличие от предыдущей утопической традиции, она утверждает, что идеальный общественный строй достижим, причем не на страницах фантастической книжки и не на забытом Богом острове, а в обычном европейском государстве, и предлагает новый механизм организации власти, основанный на вечном разуме человека, при котором избирают достойного правителя и доверяют ему свою естественную свободу,

---

[59] Волгин В. П. Очерки по истории социализма. М. Л., 1935. С. 160—161.

взамен получая гражданскую. В этом смысле концепция общественного договора подрывает основы феодального сословного государства с его абсолютной властью, бесправием и неравенством перед законом в силу происхождения и привилегий и предлагает альтернативные. Ведь если ни один человек не имеет естественной власти над другими людьми, то единственной основой легитимной власти может быть только соглашение. Таким образом, утопия общественного договора, несмотря на свою наивность и историческую ограниченность идейно подготовила людей к настоящему штурму феодализма. Наряду с утопией естественного состояния и «доброго дикаря» она сформировала особый мировоззренческий климат, в котором постепенно зарождаются программы радикального переустройства общества.

2.2. Две утопии либерализма.

Концепция естественных прав человека на жизнь, свободу и собственность легла в основу классического либерализма – политической и правовой философии XVII – XIX веков, провозгласившей права человека экономической, политической и правовой основой общества и продолжившей разбираться с проблематикой естественных прав и свобод, впервые разработанной «пионерами» философии естественного права (Гроцием, Локком, Гоббсом и др.). Классический либерализм отстаивал неприкосновенность частной собственности, свободу торговли и предпринимательства в экономике, верховенство закона над правителями и ограничение их власти конституцией, а также равенство всех граждан перед законом. Классический либерализм представлен идеями Д. Юма, Дж. С. Милля и Г. Спенсера в Англии, Б. Констана и А. де Токвиля во Франции, В. Гумбольдта и И. Канта в Германии, Л. Фон Мезеса и Ф. А. фон Хайека в Австрии.

В XVIII веке в миропонимании людей происходит переворот, в результате которого разум начинает восприниматься как высшее начало и сущность мироздания, а также мерило общественного прогресса. Разум еще

со времен Сократа был основополагающим ориентиром в определении оптимальных действий, в том числе политических, однако именно в эпоху Просвещения и Нового времени вера в его всемогущество как последнего и верховного авторитета достигает апогея и становится важнейшей ценностью эпохи. Укоренилось также наглядно доказанное Великой французской революцией представление о том, что разум может и должен быть инструментом в общественных преобразованиях, посредством которого можно и нужно создавать человеческое и общественное бытие таким, каким оно должно быть. Для либеральных мыслителей, в частности, это означало наличие некоего совершенного мирового порядка, которому необходимо позволить проявиться. С их точки зрения, это возможно при отказе от вмешательства в естественный ход событий несвоевременными законами, чтобы, предоставленный самому себе, мировой порядок стихийно создал всеобщую гармонию. Эта идея оказалась особенно востребованной в экономической сфере, преобразовавшись в идею свободного рынка, согласно которой саморегулирующиеся силы свободного рынка создадут механизмы взаимодействия, необходимые в новых экономических условиях.

Из идеи невмешательства в объективный порядок вытекает главная ценность классического либерализма – свобода. Большая часть изменений, социальных и личностно-индивидуальных, носит иррациональный характер, в силу чего невозможно предугадать поведение отдельного человека на рациональной основе. Поэтому государство только должно установить юридический порядок, так сказать, задать объективные параметры, в рамках которых люди могут свободно действовать и которые нельзя переходить. Человек разумен настолько, чтобы самому решать, как ему жить. Поэтому нужно не контролировать детально его повседневную жизнь, а отпустить человека, не мешать ему и позволить процессам развиваться по своей внутренней логике (принцип «laissez faire»). В этом смысле, классический либерализм прямо противоположен социализму, утверждающему, что человек предсказуем и его потребности можно рационально просчитать. Признание

индивидуальной свободы человека, вплоть до самых крайних ее проявлений, оказывается принципиально значимым для классического либерализма. Любое вмешательство в личное пространство человека нарушает его права и лишает ответственности за собственный выбор, в то время, как защищенность личной свободы дает человеку возможность для самостоятельного определения своей жизни. «Должна существовать некоторая минимальная область личной свободы, в которую нельзя вторгаться ни при каких обстоятельствах. Если эта свобода нарушается, то индивидуальная воля загоняется в рамки слишком узкие даже для минимального развития природных человеческих способностей, а без этих способностей люди не только не могли бы добиваться целей, которые они считают благими, правильными или священными, но и были бы не способны просто ставить эти цели перед собой»[60]. Поэтому главная задача заключается в установлении таких отношений между человеком и государством, в условии которых человек оставался бы максимально свободным и независимым.

Для классического либерализма характерно представление о государственной власти как об искусственной и противоестественной, поэтому еще одной его фундаментальной ценностью является ограничение власти государства правами и свободой человека. Именно этой проблеме посвящен трактат классика либерализма В. Гумбольдта «О пределах государственной деятельности» (1792). Предметом данного исследования является цель государства вообще и пределы его деятельности – вопросы крайне актуальные для того времени. «Несомненно, что исследование цели и пределов государственной деятельности имеет большое значение, быть может большее, чем какой-либо другой политический вопрос… оно одно как бы обнимает конечную цель всей политики»[61]. Автор описывает два

---

[60] И. Берлин. Две концепции свободы. [Электронный текст]. URL: http://www.inliberty.ru/library/151-dva-ponimaniya-svobody (дата обращения 3.05.2017).

[61] Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. М.: Социум. Три квадрата. 2003. С.7.

сложившихся подхода к решению проблемы, первый из которых утверждает, что государственная деятельность должна быть ограничена обеспечением безопасности, а второй – что она должно заботиться о личном благополучии и счастье граждан. Он пересматривает оба положения с позиции отдельного человека и высшей цели его существования, которая, с его точки зрения, заключается в полном и соразмерном развитии всех его сил и индивидуальных особенностей. Необходимое условие для этого – свобода действий и разнообразие положений. Они и должны быть основанием любой политики. Государство – не цель для себя, а средство развития индивидов.

По мнению Гумбольдта, положительная забота государства о личном благе человека вредна. Во-первых, она, как правило, имеет правительственный, принуждающий характер. Человек перестает думать и действовать самостоятельно, ждет внешнего руководства вместо того, чтобы самому принять решение. Таким образом, от усиленной опеки государства страдает энергия деятельности и нравственный характер индивидов. Во-вторых, она направлена на множество людей (массу), поэтому порождает однообразие и мешает развитию индивидуальности и своеобразия человека. Разум должен развиваться свободно посредством деятельности, творчества и изобретательности. От излишней свободы человек становится инфантильным ленивым, пассивным. Свобода же создает препятствия, вынуждая человека преодолевать их снова и снова.

Истинной и конечной целью государственного устройства, продолжает Гумбольдт, является забота об обеспечении безопасности граждан, то есть об их отрицательном благе. При отсутствии безопасности человек не способен должным образом развиваться и наслаждаться плодами своего развития, так как при отсутствии безопасности нет и свободы. Безопасность и личная свобода – единственное, что человек не может обеспечить себе сам. Для поддержания безопасности не нужно преобразовывать людские нравы и перевоспитывать нацию в государственных интересах. Общественное воспитание вообще вредно и не способно обеспечить индивиду

разностороннее индивидуализирующее развитие. Не нуждается в государственном регулировании и религия. Как и при улучшении нравов, это не приведет ни к чему, кроме принуждения и навязывания шаблонов мысли и поведения. Более того, подобные меры лишь ослабляют нацию, сила которой заключается в свободных, творческих и предприимчивых людях. «Разнообразие, происходящее от союза многих, есть величайшее благо, даваемое обществом, и это разнообразие, несомненно, теряется по мере государственного вмешательства. В этом случае уже нет сочленов одной нации, живущих вместе одной жизнью, а есть только отдельные подданные, находящиеся в известном соотношении с государством»[62].

Таким образом, прямой обязанностью государства является обеспечение безопасности не только внешней, но и внутренней. Во-первых, это означает определение таких действий граждан, которые непосредственно касаются других граждан, в частности, нарушение прав, определении системы наказаний и юридическом разрешении конфликтов. Во-вторых, государство должно защитить человека от всяческого принуждения, вмешательства, насилия и внешнего давления с чьей бы то ни было стороны. «Должно быть отвергнуто всякое вмешательство государства в частные отношения граждан во всех тех случаях, когда нет прямого нарушения прав одного из граждан кем-либо другим из них»[63]. Права человека являются приоритетными в отношении государства, роль которого классический либерализм сводит к средству для защиты интересов, прав и свобод гражданина и в этом смысле его можно изменить, улучшить, Государство, таким образом, теперь понимается не как данное свыше, а как результат усилия, как творчество.

Говоря об идеях классического либерализма, как и либерализма в целом, нельзя не остановиться на принципе разделения властей как еще

---

[62] Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. М.: Социум. Три квадрата. 2003. С.21

[63] Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. М.: Социум. Три квадрата. 2003. С.19.

одном способе ограничения государственной власти. Впервые о ней высказался Дж. Локк, однако основоположником современной теории разделения властей считается Ш. Л. Монтескье (1689-1755). В «Духе законов» (1748) он утверждает, что «все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц»[64].

Чтобы избежать абсолютизации власти и деспотизма, необходимо установить такой порядок вещей, при котором различные власти сдерживают и уравновешивают друг друга. Такой порядок может обеспечить только разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и власть, занимающуюся вопросами гражданского права. Эта третья власть, она же судебная, не только наказывает за преступления и разрешает споры частных лиц, но и удерживает от крайностей законодательную и исполнительную власти. Выделение ее в самостоятельную ветвь государственной власти является важным вкладом Монтескье в теорию разделения властей и в политическую практику в целом. В этом смысле он пошел дальше Локка, говорившего только о разделении властей, но не об их взаимном сдерживании.

Каким же образом теория разделения властей работает на практике? Монтескье считал, что законодательная власть должна принадлежать народу в лице его представителей и собранию знати, которые вместе составляли две палаты парламента. Исполнительная власть должна быть предоставлена монарху или другим лицам, но никак не законодательному собранию. Судебную власть Монтескье предлагал «поручать не постоянно действующему сенату, а лицам, которые в известные времена года, по указанному способу привлекаются из народа для образования суда;

---

[64] Монтескье законов [Электронный текст]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (Дата обращения 1.05.2017).

продолжительность действия которого определяется требованиями необходимости»[65]. Законодательная и исполнительная власть уравновешивают друг друга. Монарх имеет право наложить вето на решение законодательного собрания, устанавливать регламент его работы и распустить собрание. В то же время законодательное собрание контролирует исполнение законов и привлекает министров к ответственности за их нарушение. Следует отметить, что, хотя Монтескье и продвинулся дальше Локка в идее разделения властей, он еще не приходит к их равноправию и, как и Локк, считает законодательную власть высшей из всех трех.

Разделение властей уже более двух веков практикуется во всех демократических странах. И хотя оно не смогло устранить ни всех недостатков государственного управления, ни конфликтов, так или иначе возникающих, все же оно является, как показал исторический опыт, лучшей из имеющихся конструкций и общепризнанным фундаментальным принципом организации и функционирования механизма правового государства.

В конце XIX столетия наступил кризис классического либерализма, вынудивший его переосмыслить собственные основания, в результате чего сформировался современный, социально направленный либерализм. Причины неудачи классического либерального проекта кроются, на мой взгляд, в содержащихся в нем элементах утопического мировоззрения. Рассмотрим же классический либерализм с точки зрения современной либеральной философии.

Прежде всего, было пересмотрено само содержание понятий «человек» и его «права». Классический либерализм верил, что человек является рациональной личностью, «tabula rasa», обладателем вечного и универсального разума, из природы которого благодаря воспитанию и просвещению можно слепить кого угодно. Из отвлеченно понимаемой

---

[65] Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М. 1955. С. 291.

личности, находящейся вне исторического времени и пространства, вытекает неопределенность в объеме и содержании прав, которые также понимались как вечная ценность, не подверженная историческим изменениям. Сколько их, этих прав? Один десяток или не одна сотня? Так ли безусловно и необходимо их объективное существование? Какие из них соответствуют или не соответствуют «природе человека», да и какая она вообще, эта природа? Все эти вопросы и сомнения привели к преобразованию классической концепции естественного права в теорию социальной и исторической обусловленности прав человека, также обусловленного культурой общества, находящегося на определенной ступени своего исторического развития.

Во-вторых, базовой ценностью современного либерализма является не индивидуальная свобода, а справедливость. Ранее в философии либерализма она выступала лишь фоном и практически сводилась к индивидуальному чувству, воле, в то время как на первое место выходило обоснование политического авторитета и обязанностей государства и гражданина в отношении друг друга. Дж. Ролз (1921-2002) одним из первых поднял принцип справедливости на новый уровень. «Справедливость есть первая добродетель общественных институтов, как истина – систем мышления. Самая элегантная и экономичная теория должна быть отвергнута, если она не верна; таким же точно образом должны быть отвергнуты даже самые эффективные законы и институты, если они несправедливы»[66].

Для разработки и доказательства принципов справедливости, Ролз переосмысляет теорию общественного договора как гипотетического эксперимента, в результате которого люди договариваются о будущем общественном устройстве, делая принцип справедливости его объективным основанием. Нововведением Ролза является принцип «занавеса неведения». Участники эксперимента (семьи-партии), заключающие общественный договор, находятся в полном неведении того, какое место занимают в

---

[66] Ролз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ. 2010. С.17.

социальной иерархии и распределении благ, каким уровнем интеллекта и физической силой обладают. Они имеют лишь самые общие представления о человеческом обществе и механизмах его организации, об основных политических проблемах, принципах экономической теории, законах человеческой психики, которые могут повлиять на их выбор. Договариваясь о принципах справедливого общественного устройства в таких условиях, они стараются обеспечить себе благо при любом раскладе, исходя из худшего варианта развития событий. «Каждая личность должна решить путем рациональных размышлений, что составляет благо, т. е. систему целей, рациональную для их преследования, так и группа людей должна решить раз и навсегда, что считать справедливым и несправедливым»[67].

Таким образом, формируется общественная концепция справедливости. Ролз полагает, что в условиях «занавеса неведения» участники гипотетического договора придут к следующей концепции справедливости. «Все первичные общественные блага (свобода, возможности, доходы, богатства, условия самоуважения) должны быть распределены поровну, если только неравное распределение служит благу наименее преуспевающей части общества»[68]. Из этой общей концепции далее выводятся два принципа справедливости: принцип равной свободы и принцип честного равенства возможностей. Исходя из классического представления либерализма об обществе как арене конфликтов различных людей, где господствует жесткая конкуренция и где выживает сильнейший, Ролз посредством принципов справедливости заменяет конфликт сотрудничеством, от которого выигрывают все.

В-третьих, смена ценностных ориентиров со свободы на справедливость привело к отказу от государства - «ночного сторожа», воспеваемого классическим либерализмом, в пользу социально

---

[67] Там же. С.24.

[68] Ролз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ. 2010.С.303.

ориентированного государства всеобщего благоденствия, объединившего принципы рыночной экономики и активной социальной политики государства. Так, в Германии с 1883 по 1889 годы канцлер О. фон Бисмарк проводит ряд реформ, в результате которых государством впервые были созданы широкомасштабные механизмы перераспределения общественных доходов в целях защиты наименее защищенных слоев населения, законодательно закреплявшие за ними определенные социальные гарантии минимального уровня благосостояния. Если в классическом либерализме вмешательство государства в социальную сферу было ограниченным, то, поскольку главной задачей теперь становится социальная гарантия прав и свобод человека, идея государственного регулирования социальной сферы стала доминирующей. Таков путь либерализма от минимального вмешательства государства в частную жизнь, к государству, ведущему активную социальную политику.

Новая, социально ориентированная модель государственного устройства была подхвачена большинством передовых стран и после Второй мировой войны достигла пика своего расцвета. Исследователи отмечают[69], что было достигнуто фактическое равенство прав и свобод всех граждан, стабильность экономики позволяла осуществлять тщательный контроль над производством, наблюдалось увеличение дохода предпринимателей, рабочие получили полную занятость и социальные гарантии, а их зарплаты регулировались коллективными соглашениями между профсоюзами и работодателями. Это выглядело как действительное осуществление извечной мечты человечества о комфортной, защищенной, да еще и свободной жизни.

Тем не менее, к концу 1970х государство всеобщего благоденствия столкнулось с серьезными экономическими проблемами, вынудившими его, как когда-то классический либерализм, переосмыслить собственные основания и принципы. Предоставленные государством широкие гарантии

---

[69] Сидорина Т.Ю. Операция «Welfare state»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблему идеального государства? // Terra Economicus. №3. Т.10. 2002. С. 84-99.

привели к высокой безработице, старению населения и требовали значительных расходов, опустошающих государственный бюджет. Наряду с этим наблюдалось снижение уровня активности и трудоспособности граждан, а также развитие социального иждивенчества. И вновь мы возвращаемся к тому, о чем говорили классики либерализма в лице В. Гумбольдта, а именно, что забота государства о личном благосостоянии граждан не только не устраняет бедности и неравенства, но и способствует их росту, делает общество пассивным и зависимым. Переоценка концепции государства всеобщего благоденствия привело к постепенному сворачиванию масштабных социальных программ и уменьшению роли государства в функционировании общества. Утопия в форме государства всеобщего благоденствия не смогла реализоваться.

В-четвертых, для классического либерализма было свойственно представление о негативных правах человека. Так, свобода в негативном контексте понималась как свобода от каких-либо ограничений, чтобы человек мог делать все, что ему вздумается. Современный либерализм переосмыслил, углубил негативные права и увеличил их количество, включив право на образование, медицинское обслуживание, комфортные и защищенные условия труда, в результате чего они не только защищают человека от внешнего давления, но и должны обеспечить ему достойное существование. Современный либерализм, осмыслив предыдущий опыт, пришел к пониманию того, что общество не может организоваться самостоятельно на всех уровнях и что без власти невозможно обойтись. Поэтому современный либерализм стремится проводить реформы для улучшения отношений между государством и гражданином, которые стали приобретать форму не подчиненности государства гражданину, а форму сотрудничества между ними, а вопрос ограничения власти преобразовался в вопрос обеспечения баланса между различными ее источниками.

Утопия безграничной свободы была потеснена утопией благосостояния, ответственность за которое было возложено на государство с

предоставлением ему широких полномочий в сфере социальной политики. Так, если в классическом либерализме перераспределение благ происходит путем соглашений и договоров и не включается в содержание общественного договора, то в современном либерализме эта задача решается через законодательство. Новое положительное понимание прав человека закреплено во многих международных документах и прежде всего во Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 Генеральной Ассамблеей ООН. Подчеркивается теперь не только то, чего государство не должно делать в отношении человека, но и то, что оно должно активно содействовать улучшению качества его жизни.

В-пятых, хотя классический либерализм отстаивал врожденную, сущностную рациональность и добродетельность человека, фактически это касалось далеко не всех людей, а только лучших из них, более образованных и интеллигентных. Отсюда возникла щекотливая ситуация равенства, представление о котором оказалось слишком общим, поверхностным и во многом буржуазным. Оно не распространялось на нищих, бездомных, женщин и рабов, а равными, по сути, были лишь белые мужчины среднего класса. Только эти последние имели право что-то требовать от государства и высказывать сомнения насчет его деятельности. Наконец, провозглашенный классическим либерализмом принцип «равенства возможностей» хотя и был направлен на сглаживание неравенства людей, опять же срабатывал только в отношении граждан с примерно одинаковыми природными задатками и условиями социализации. Современный либерализм значительно расширил круг «избранных», признав необходимость участия в политическом процессе всех граждан, независимо от их социальной принадлежности и заменив принцип «равенства возможностей» на принцип «равенства условий», согласно которому успешность конкуренции должна достигаться за счет создания одинаковых стартовых условий, например, равного доступа к образованию, для всех людей.

Таким образом, либеральная политическая философия сформировала не просто новый тип государства, но целый новый мир. В этом мире правители отныне подотчетны и обязаны отвечать за свои действия перед народом, в руках которого находится власть. Государство имеет четкие границы своей деятельности, определяемые частной жизнью гражданина, а также обязанности по обеспечению материального и духовного благополучия своих граждан. Инструментом социального контроля выступает верховенство закона и права, а гарантией индивидуальной свободы – конституционные механизмы. Это мир буржуазного общества и капитализма, которые сформировали нового человека, свободного от всяческих зависимостей для различного рода активностей, и новые, контрактные отношения между людьми, основной целью которых становится удовлетворение личного интереса и выгоды. Верховная власть разделена и это разделение не ослабляет ее, а делает ее более эффективной.

Либерализм является стержнем этого дивного нового мира. Он ищет рациональные, человеческие основания политической мысли и государства. Для него нет кумиров, его сильная сторона заключается в его критическом отношении к существующим веками авторитетам и общественным установлениям во имя вечных и универсальных ценностей свободы, равенства и братства. Люди по природе свободны и равны! Те, кто эти идеалы принял, должны были бороться против всего, что лишало их свободы и делало их неравными. Далее мы увидим, насколько эта борьба оправдала себя и так ли уж «дивен» и прекрасен новый либеральный мир.

Глава 3. Утопия на практике

3.1. Крах утопических общин.

Утопия, будь она порождением Античности, Возрождения или Нового времени, всегда является отчаянной попыткой ответить на один из фундаментальных вопросов человечества – как сделать всех людей счастливыми? В этом смысле утопический социализм не только является продолжением идей Просвещения с его вечным порядком гармонии и разума, но и первой попыткой построить идеальное общество в реальной жизни. «Значение критико-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты»[70]. Несмотря на критическое отношение марксизма, значение утопического социализма и его коммун трудно переоценить.

В будущем совершенном мире изобилия и удовлетворения всех потребностей будет действовать принцип распределения благ «по

[70] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Соч. Т. 4, с. 456.

способностям», обеспечивающий нескончаемый рост производительных сил и развитие личности. В этом мире не будет разницы между физическим и интеллектуальным трудом, а государство из органа управления людьми превратится в орган контроля над производством. Ориентируясь на этот идеал социальной гармонии, Сен-Симон, Оуэн и Фурье разработали систему, обеспечивающую, по их мнению, баланс частных и общественных интересов так, чтобы индивидуальная личность оказалась органически вписанной в систему коллективных принципов. Для этого, в первую очередь, совершенно необходимо организовать крупное общественное производство с применением актуальных достижений науки и техники. Важнейшим условием прогресса, полагали они, является обязательный для всех труд на благо коллектива. Базовым элементом новой общественной системы является добровольное объединение людей, которое Оуэн называет коммуной, Сен-Симон – ассоциацией, а Фурье – фалангой. Такое коллективное существование и совместный труд, по мнению социалистов, наиболее отвечает человеческой природе и, являясь основой общества, обеспечивает его гармоничность и стабильность.

В 1799 году Р. Оуэн вместе с несколькими капиталистами стал владельцем и управляющим бывшей фабрики своего тестя в Нью-Ламарке. Это приобретение оказалось весьма кстати, так как предоставило ему объект для проведения долгожданного социального эксперимента в виде реформирования производственных отношений, который бы смог разрешить мучившую его дилемму «если труд порождает богатство, то почему большинство трудящихся бедны?» Оуэн, будучи, как ни странно, преуспевающим промышленником, считал современный ему мир безнравственным, несправедливым и экономически неэффективным, полным бесконечной борьбы, соперничества и обмана. По его мнению, государственные законы практически одобряли пьянство и азартные игры, а промышленные города организованы таким образом, что люди неизбежно беднеют и развращаются физически и духовно. Все это закономерно

приводит к тому, что рабочие погрязли в невежестве и нищете, к росту преступности и общему падению дел в стране.

По мнению Оуэна, да и всех утопических социалистов, главная причина такого плачевного положения вещей заключается в порочных массовых нравах. Бедные и рабочие классы, составлявшие около двух третей всего населения, не имели никакого воспитания и существовали в таких условиях, из которых была прямая дорога в преступники. Общество, вместо того, чтобы предупреждать появление преступности и нищеты, ведет напрасную борьбу с результатами собственной несправедливости, наказывая людей, не по своей воле нарушивших закон. В основе этой системы лежит «заблуждение, внедряемое в настоящее время в человеческий ум с самого детства, заблуждение, от которого происходят все другие ошибки и неправильности, заключается в веровании, что человек сам образует свой характер»[71]. «Следствием этого невежества является все зло и бедствия, угнетающие человечество»[72]. На самом деле человек получает свой характер из социальной среды и предшествующих поколений в виде сформировавшихся взглядов, мнений и привычек. Это является фундаментальным убеждением утопического социализма.

Хотя рождающийся ребенок не выбирает время и место своего появления на свет, равно как и свою национальность, религию, класс и условия жизни, определяющие его последующее формирование, благодаря рационально продуманной системе воспитания можно заложить в него любой характер, наихудший или наилучший. Для формирования качественного характера главное внимание должно быть уделено вопросам нравственности. Социалисты считали, что главным мотивом человеческой деятельности является врожденное стремление к счастью. Принцип соответствия индивидуального и коллективного счастья является основой воспитательной

---

[71] Оуэн Р. Избранные сочинения в 2х томах. Академия Наук СССР. М.-Л. Т.2.1950. С. 132.

[72] Там же. С. 245.

системы. Поэтому при воспитании детей необходимо «заложить, развить и укрепить в них такие привычки и чувства, которые будут способствовать благополучию, как данного индивида, так и всей общины. Согласно этому плану воспитания, правило, внушаемое двухлетнему ребенку при его поступлении на площадку, что он должен стараться делать счастливыми своих товарищей, нужно повторять и укреплять в нем после его поступления школу, и первым долгом учителя будет воспитывать своих учеников так, чтобы они всегда на практике придерживались этого правила»[73]. «Внушить ему ясную и неразрывную связь, существующую между интересами и счастьем каждого человека и всех других людей»[74]. Таким образом, посредством целенаправленного улучшения характера каждого человека социалисты планировали построить новый высоконравственный мир братства, любви, терпимости и милосердия.

Именно на прядильне в Нью-Ламарке Оуэн вознамерился доказать эффективность своей воспитательной теории. Большинство рабочих фабрики были привезены из благотворительных приютов целыми семьями (местные жители не могли предоставить достаточное количество рабочих рук) и поселены в специальных колониях. Выходцы из неблагополучной среды, рабочие не подчинялись дисциплине и испытывали откровенное отвращение к труду, а попытка искоренить пороки штрафами и выговорами лишь сильнее озлобляла их. Это неудивительно, ведь ежедневный труд по 16-17 часов в душных и пыльных цехах, возвращение в сырые и холодные жилища и скудная еда едва ли могут вдохновить на любовь к труду. Дети, которых было достаточно много, помимо работы должны были еще и учиться в местной школе, но после рабочего дня для занятий не оставалось сил. При такой нагрузке они либо сбегали, либо начинали отставать в развитии.

---

[73] Оуэн Р. Избранные сочинения в 2х томах. Академия Наук СССР. М.-Л. Т.2.1950. С.246.

[74] Там же. С. 56.

С приходом Оуэна ситуация в корне изменилась. Были отменены штрафы и повышена заработная плата. Рабочий день сократился до 10ти часов, у рабочих появилось больше времени для отдыха, которое можно было провести с пользой в библиотеке и вечерней школе для взрослых. С фабрики удалили маленьких детей и до 10ти лет воспитывали в школе. Для рабочих семей построили комфортные квартиры и удовлетворили их материальные потребности. В результате реформ Оуэна почти прекратились пьянство, драки и воровство. Благодаря терпеливому нравственному воздействию и улучшению жизненных и трудовых условий распущенная и недисциплинированная толпа преобразилась в организованный коллектив. «То, что было сделано до сих пор для населения Нью-Лэнарка... заключалось главным образом в устранении некоторых из окружающих условий, способствовавших зарождению, укреплению и развитию с самого раннего возраста привычек, т. е. в уничтожении того, чему общество, вследствие своего невежества, дало возможность возникнуть»[75].

Воодушевленный успехами в Нью-Ланарке, Оуэн пришел к выводу о необходимости глобальных реформ и создании нового социально-экономического общества. Преобразования должны были быть радикальными, глубокими, они должны были затронуть самые основы общественного устройства и сформировать новую систему взаимоотношений между людьми, не меняя при этом политическое устройство. Его стремления удачно совпали с историческими условиями, когда в 1816 году окончилась война Англии против наполеоновской Франции. Особенно тяжело она сказалась на положении рабочего населения: снижение заработной платы, повышение цен на хлеб, увеличение налогов, введение пошлин на предметы первой необходимости. Окончание войны еще больше усугубило ситуацию. Множество фирм, производивших товары для военных нужд, обанкротились, в результате чего огромное количество рабочих, занятых на них, были выброшены на улицу. Голодные и озлобленные люди устраивали беспорядки

[75] Оуэн Р. Избранные сочинения в 2х томах. Академия Наук СССР. М.-Л. Т.2.1950. С.196.

на улицах, жгли фабрики. Для решения беспокойного рабочего вопроса правительство создало специальную комиссию, куда среди прочих был приглашен Р. Оуэн, к тому времени уже пользовавшийся славой «реформатора-фабриканта из Нью-Ланарка».

Ответ Оуэна на рабочий вопрос заключался в следующем. Он предложил не тратить все суммы, собранные церковными приходами в помощь бедным, на строительство работных домов и приютов, а использовать для покупки свободных земельных участков, где организовать для нуждающихся кооперативные поселки на 1200-1500 человек каждый и где люди могли бы жить и трудиться сообща. Уклад колоний основывался бы на идеях равенства, общности имущества и совместного воспитания детей, отсутствии конкуренции и вознаграждении за труд продуктами. По мнению Оуэна, задача поселков «заключалась в организации всеобщего счастья при посредстве системы единства и кооперации, основанной на всеобщей любви к ближнему и истинном познании человеческой природы»[76]. Только при таком общественном устройстве может быть достигнута великая цель – утверждение справедливости. Оуэн представил комиссии план будущих построек, включавший большой жилой дом, общественную столовую и кухню, детские сады, библиотеку и зал для чтения. Деньги нужны будут только на приобретение земли и обустройство, а остальные расходы окупятся доходами ферм и мастерских, которые также позволят членам колонии безбедно существовать.

Однако, предложение Оуэна не только не вдохновило политиков, фабрикантов, землевладельцев и духовенство на борьбу с бедностью при помощи производственных поселков «без хозяина», но и обратило их против него самого. Реформы Оуэна угрожали их комфортной и богатой жизни с многочисленными выгодами, получаемыми за счет беспощадной эксплуатации рабочего населения. Ведь если все рабочие уйдут с фабрик в

---

[76] Оуэн Р. Избранные сочинения в 2х томах. Академия Наук СССР. М.-Л. Т.2.1950. С.205.

колонии, то собственникам, привыкшим жить за чужой счет, придется работать самим. Но богатые люди не хотели работать, им выгоднее было сохранить привычный для них порядок вещей. Отказ правительства не остановил реформатора. Он писал статьи, разъезжал по всей Англии и выступал на митингах, агитируя людей создавать производственные колонии. Вскоре он устремился в Европу и США, где знакомился с выдающими учеными, педагогами и писателями.

Страстная агитирующая деятельность Оуэна вместе с все ухудшающимся положением рабочих дали свои плоды, а именно – появление первых социалистических коммун. Не случайно, что произошло это в США – «девственной» стране, находящейся на стадии становления. Именно туда, наравне с многочисленными европейскими сектантами, гонимыми соотечественниками, отправились утопические социалисты. Среди многочисленных коммун, вдохновленных учением Оуэны, наиболее известны Yellow Springs, Нашоба (1825), Гаверстрау (1826) и Гендаль, но самой известной и большой была Новая Гармония, основанная в штате Индиана в 1825 году. Оуэн мечтал, что в ней зародится совершенство коммунистической жизни и охватит затем все человеческое общество. Однако, он не спешил сразу вводить в колонии коммунистический режим и в первом уставе определил трехлетний срок на подготовку. Но уже на следующий год сами колонисты провели конституцию, утверждающую коммунизм. Законодательная власть предоставлялась общему собранию, а исполнительная – совету из шести человек. К сожалению, такое устройство не смогло обеспечить порядок в колонии и, когда Оуэн отказался от предложения взять в руки диктаторскую власть, колония разделилась на четыре отдельных общины, но и это не спасло «Новую Гармонию» от раздирающих ее споров и противоречий. После того, как все попытки сохранить колонию были испробованы, Оуэну пришлось сдать землю в аренду, после чего жизнь на ней совсем утратила изначальный общинный характер.

Интересна теория еще одного яркого представителя утопического социализма М. Фурье. Как и другие утопические социалисты, он считал, что Бог, создатель и управитель мира, мог желать для своих творений только гармонии и порядка в мире. Главным же предназначением человека является быть счастливым внутренне и внешне. Для этого ему необходимо находится в таких условиях и отношениях человеческого общества, которые бы способствовали удовлетворению естественных его влечений. Если в условиях данного общественного устройства человек несчастен, то этот общественный строй базируется на ложных основаниях. Обеспечить наилучшие условия для счастья человека может только промышленно-земледельческое сообщество – фаланга, представляющая собой самодостаточную коммуну из 1600-1800 человек, живущих и работающих вместе для взаимной выгоды. Местный союз фаланг Фурье окрестил фаланстером, который он описывал как специальное утроенное здание и в основе которого лежит идея производительной и потребительной ассоциации.

Согласно Фурье, при такой организации пространства труд будет значительно эффективнее за счет энтузиазма и соревновательного духа, которыми будут охвачены члены фаланги, а также благодаря тому, что каждый сможет выбрать себе занятие по душе, чтобы труд не вызывал неприязни, соответствовал естественным влечениям и был в радость. «Необходимо, чтобы в новом общественном строе труд был столь же привлекателен, как теперь наши праздники и зрелища»[77]. Результаты совместного труда членов фаланстера будут доставляться в общие хранилища, откуда люди смогут брать все необходимое. Такой механизм распределения благ не нуждается в посредниках и со временем должен привести к исчезновению внутренней торговли. При этом интересно, что в фаланге сохраняется частная собственность: каждый может жить так, как ему хочется, выбрать себе помещение и питаться на свой вкус.

---

[77] Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир. Государственное социально-экономическое изд. М.:1939. С.20.

Фурьеристами (так назвали последователей Фурье) всего было осуществлено почти сорок попыток организовать фаланстеры, среди них – Брук Фарм, Висконсинская фаланга, Пенсильванская, Нью-Йоркская и группа из штата Огайо. Особенно хочется отметить Северо-Американскую фалангу, основанную в Нью-Джерси в 1843 году. Фаланга состояла из образованных людей. Следуя учению Фурье, они трудились сообща, разделившись на группы и серии, занимаясь в основном земледелием и садоводством. Их труд оплачивался, неприятный больше, приятный – меньше, от 6 до 10 центов за час. Свободные от работы часы проводили в библиотеке и занимаясь музыкой. Фаланга продержалась 12 лет, пока материальные нужды и внутренние противоречия не подорвали ее, как и другие фаланги. Таким образом, несмотря на многочисленные попытки, ни коммуны Оуэна, ни фаланстеры Фурье не смогли обеспечить длительное существование гармоничного общества – почти все прекратили свое существование через 3-5 лет после основания, единицы продержались больше 10 лет. Причины этих многочисленных неудач, на мой взгляд, кроются в утопичности теорий социализма Оуэна и Фурье.

Во-первых, теоретическим основанием коммуны и фаланги был совершенный и гармоничный человек, выведенный системой воспитания. Предполагалось, что, попав в благоприятные условия жизни и труда, человек буквально преобразится и избавится от всех пороков. «Поскольку стремление человека к счастью или его любовь к самому себе будет направляться истинным знанием, постольку среди его поступков будут преобладать поступки добродетельные и полезные для всех людей. Если же он будет находиться под влиянием ложных взглядов или отсутствия истинного знания, то соразмерно в его поступках будут преобладать такие, которые порождают преступления и от которых происходит бесконечное множество бедствий. Отсюда следует, что нужно применять все рациональные средства для изобличения заблуждения и для распространения истинного знания среди

людей»[78]. Они верили, что при удовлетворении насущных потребностей люди все равно будут работать, не столько из необходимости, сколько из удовольствия. На практике все вышло совсем иначе. Далеко не все члены общины были готовы честно трудиться ради ее блага, поэтому им не удалось избежать конфликтов. Постоянные распри, требования раздела имущества, смена правления, частичный выход из общины – все это доказывает, что «все эти коммуны были объединены фразой, мимолетным увлечением, тяжестью современных форм жизни, надеждой на лучшие условия, но не глубоким убеждением и не искренним чувством»[79].

Во-вторых, конечно, трудно поспорить с тем, что совершенствование природы человека, его психологии, морали и поведения является необходимым условием любых преобразований в обществе. Более того, только при условии тщательного изучения и улучшения природы человека можно создать соответствующий ей и поэтому наилучший социальный порядок. В этом смысле человек оказывается простым винтиком, который посредством воспитания и заданного алгоритма действий общины, можно закрутить в нужном месте. Однако, и это подтверждает распад большинства общин, утверждение социалистов, что человек есть продукт влияния среды, верно лишь отчасти, ведь даже в самом идеальном обществе человек всегда более или менее будет отклоняться от нормы, определенной обществом и будет проявлять стремления, приводящие к конфликтам с товарищами. Даже при правильном воспитании и благоприятных условиях жизни он остается существом сложным и противоречивым.

В третьих, социалистами игнорировалась или не понималась не только сложная природа человека, но также сложность и неоднозначность механизма общественного устройства и человеческих отношений. «Они не видели, что отношения эти имеют глубокие корни в своем историческом развитии, не

---

[78] Оуэн Р. Избранные сочинения в 2х томах. Академия Наук СССР. М.-Л. Т.2.1950. С.239.

[79] Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. М.: Книжный дом «Либроком». 2012. С. 241.

видели тех крепких связей, которых невозможно сразу ни разорвать, ни разрезать. Им казалось, что плохую, но необыкновенно сложную машину можно самым благополучным образом заменить простой машиной наивного республиканского коммунизма»[80]. Из этого их заблуждения происходила и наивная вера в необыкновенную легкость построения нового, гармоничного и справедливого общества посредством этического примера, в частности, через создание образцово-показательных общин и пробуждение в людях благородных чувств. «Эта переделка казалась им такой легкой, что они не указывали даже подробностей ее проведения и только наметили общие черты»[81].

Несмотря на утопичность социализма XIX века и на тот факт, что подавляющая часть кооперативных общин не смогла реализоваться, социалистическая мысль многое дала человеческому обществу. Прежде всего, начиная с 1870-х годов, благодаря социалистической агитации был утвержден ряд законов о социальном обеспечении и труде. Они подразумевали страхование (медицинское, от несчастных случаев и на случай безработицы) и выплату пенсии по старости. Во многих странах был запрещен труд детей 10-12 лет и ограничено количество часов труда для детей старшего возраста. Эти законы сгладили наиболее ощутимые шероховатости капиталистического общества и сделали жизнь многих рабочих и бедняков лучше, пусть еще совсем немного. Среди прочих его даров миру – фабричное законодательство и кооперативные товарищества, детские сады и школы на предприятиях и организация общественных работ для безработного населения.

Во-вторых, сильной теоретической стороной учения является критический анализ общества, обличающий основные недостатки общественного устройства того времени. Так, «успехи промышленности и

---

[80] Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. М.: Книжный дом «Либроком». 2012. С.137.

[81] Там же.

просвещения лишь усугубляют общую фальшь отношений и бедность классов, несущих на себе бремя этой промышленности: наши простолюдины, наши рабочие гораздо более несчастливы, чем дикарь, живущий беззаботно и свободно и иногда в изобилии, когда охота или рыбная ловля удачны»[82]. «Меньшинство рабов вооруженных держат в узде большинство рабов безоружных»[83]. В обществе царит «неизбежный эгоизм, обусловленный отсутствием солидарности в массах[84]» и «неразумие, возведенное в принцип»[85]. Рабочие, являясь основными производителями, плохо подготовлены к труду и в нем не заинтересованы. Труд оказывается малоэффективным, а вознаграждение за него несправедливо. «При строе цивилизации, где истина и справедливость не ведут к богатству, невозможно, чтобы им отдавали предпочтение. Поэтому мы видим, что во всем законодательстве цивилизации господствуют обман и несправедливость, которые возрастают по мере прогресса промышленности и наук»[86].

В-третьих, утопический социализм поднял ключевые, актуальные везде и всегда вопросы. Как сделать труд эффективным и не вызывающим неприязни? Как сделать вознаграждение за него и распределение произведенного продукта справедливым, а потребление разумным? Утопический социализм, по-своему, пусть и не всегда удачно, предлагал ответы на них, послужившие фундаментом для дальнейших размышлений о справедливом устройстве общества. «В этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы.

---

[82] Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир. Государственное социально-экономическое изд. М.1939. С.23.

[83]Там же. С.367

[84] Там же.

[85] Там же

[86] Там же. С.23

Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих»[87].

Наконец, хотя тот же фаланстер является конструкцией не менее фантастической, чем «Город Солнца» Т. Кампанеллы, Фурье все же пытается осуществить его на практике. Поиск богача, который бы финансировал проект, через объявления в газетах – деятельность безумца и мечтателя, но все-таки деятельность. Лучше идти к осуществлению своей цели неэффективными средствами, чем стоять на месте и мечтать о ней. Благодаря утопическому социализму утопия перестает быть интеллектуальным развлечением и становится вопросом политической практики, даже если результаты ее преобразований не слишком впечатляют.

3.2. Марксизм и утопический социализм.

Со вступлением в XIX век, век «исторический», противопоставляющий себя предыдущему «философскому», утопия обретает новое лицо. Фундаментом ее теперь являются не вечные и универсальные метафизические принципы порядка и гармонии, а исторический процесс. Такую перемену во многом можно объяснить разочарованием в результатах буржуазной революции. «Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была буржуазная собственность. Государство разума,— общественный договор Руссо,— оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»[88].

---

[87] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 456.

[88] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 190.

Идея свободы, которая в начале буржуазной революции была воодушевляющей утопией, взрывающей феодальный строй, после ее победы стала реальностью, защищающей сложившийся порядок вещей. Неудовлетворенность результатами собственной революционной деятельности по переустройству общества отправляют человека на поиски новой утопии, которая смогла бы, наконец, воплотить в жизнь те самые идеалы свободы, равенства и братства. Новой надеждой, несомненно, оказалось учение К. Маркса (1818 - 1883) и Ф. Энгельса (1820 - 1895), ставшее одним из важнейших достижений человеческой мысли. Именно марксизм превратил утопию из сказки в науку и попытался доказать, что она есть не только и не столько реализация абстрактных принципов справедливости и разума, сколько закономерный результат исторического развития общества. С точки зрения Маркса, первопричину социально-политических преобразований и переворотов нужно искать не в идеях и головах людей, но в изменяющихся формах производства и обмена, то есть не в философии, а экономике определенного исторического периода. Еще одной его заслугой, помимо учения об историческом материализме, является теория прибавочной стоимости, согласно которой предприниматель платит рабочим за производство товара меньше, чем получает от его продажи.

Возникновение марксизма исторически подготовлено. Торговля XI - XV веков стимулировала экономический прогресс европейского общества, но отсталость техники, путей сообщения и натуральный характер хозяйства тормозили ее развитие. Положение еще больше осложнилось произошедшим в XVIII веке значительным увеличением населения европейских стран, когда основанная на ручном труде экономика оказалась неспособной удовлетворить возросший спрос. Все изменилось с наступлением промышленной революции в 1740–1780х годах. Во-первых, в результате разработки инновационных научных и инженерных принципов произошел переход от ручного труда и ремесленного производства аграрной экономики к машинному производству индустриального общества. Особенно важным

оказалось изобретение системы массового производства, а именно внедрение ленточного конвейера, в наше время являющегося наиболее распространенным. Во-вторых, произошла перестройка системы пользования землей и методов ее обработки, что сделало сельское хозяйство более продуктивным и выгодным. В-третьих, появившиеся в деревне деньги стимулировали спрос на товары промышленного производства, что, в свою очередь, привело к подъему тяжёлой и химической промышленности. Наконец, революция позволила накопить капитал для строительства новых заводов и фабрик, стоивших в несколько раз дороже мануфактур, особенно в отраслях, где вообще не было промышленного производства.

Однако, у промышленного переворота имеются и негативные последствия. В результате автоматизации производства многие люди лишились работы, так как их ручной труд был заменен более быстрым и выгодным машинным производством. Сами машины управлялись дешевыми и низкоквалифицированными рабочими, среди которых было много детей. Рабочие трудились по 70–80, а то и по 100 часов в неделю. «В Англии, столь превозносимой, половина населения вынуждена работать по 16 часов в день в зловонных мастерских, чтобы заработать семь французских су, — и это в стране, где жизнь дороже, чем во Франции»[89]. Крайне неудовлетворительными были условия жизни и труда. Не видели ничего ненормального в том, что в одной небольшой комнате жили по 15-20 человек, что сотни людей пользовались одной уборной. Рабочие массово умирали от антисанитарии и легочных заболеваний, вызванных производственной пылью. В наиболее бедных районах средняя продолжительность жизни была не более 17 лет, что на 11 лет меньше, чем до норманнского завоевания в 1066 году. Таким образом, формирование и установление буржуазно-капиталистического строя привело к значительному снижению уровня жизни большей части населения, что, в свою очередь, обострило социальные

[89] Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир. Государственное социально-экономическое изд. М.1939. С.20

противоречия. Это и есть фундаментальная историческая предпосылка формирования марксизма.

Тем не менее, впервые о недовольстве наемных рабочих итогами общественного развития заговорил отнюдь не марксизм, а социализм рубежа XVIII – XIX веков – влиятельное направление в западноевропейской социально-политической и экономической мысли об идеальном общественном устройстве, удовлетворяющем все потребности человека и обеспечивающем счастье всех людей. Разочаровавшись в политических переворотах и обещаниях классического либерализма, социалисты усматривали корень всех общественных бед в господстве частных хозяйств и предлагали заменить их общественными (отсюда и пошел «социалистический» статус этих теорий). Первоочередная задача заключалась в создании крупного общественного производства, фундаментом которого являлся бы свободный труд и системно применяющиеся достижения науки и техники. При таком общественном устройстве средства и орудия производства находились бы в распоряжении всего общества, а не отдельных людей.

В то время, как государство оставалось на позиции невмешательства в экономику и никак не помогало рабочим, эту задачу взяла на себя интеллигенция в лице К. А. де Сен-Симона (1760-1825) и Ш. Фурье (1772-1837) во Франции и Р. Оуэна (1771-1858) в Англии. Их работы представляют собой критику традиций и ценностей буржуазного общества. Они утверждали, что капитализм мешает человечеству развиваться, не допуская справедливого использования достижений науки, техники и промышленного производства, которые в условиях честной игры могли бы служить всему обществу, а не отдельным его членам. Обличая несправедливость капитализма, социалисты того периода защищали подлинные идеалы справедливого общества, существующего в согласии с вечной гармонией, порядком и справедливостью, в котором не было бы эксплуатации и классового гнета. Достижение такого общества социалисты

видели в нравственном перевоспитании людей, в уговаривании их мирно и согласованно перестроить общество, но никак не в революционной борьбе.

Социализм возник, когда недостатки буржуазно-капиталистического общества уже стали очевидными, но классовая борьба против них была ещё недостаточно развита. «Все социалисты принадлежат к тому периоду, когда ни рабочий класс не был еще достаточно вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить исторически действующим лицом на мировую арену, ни материальные условия его освобождения не созрели в достаточной мере в недрах самого старого мира. Нищета рабочего класса существовала, но условия для его собственного движения еще не существовали»[90]. Социалисты не могли вникнуть в суть капитализма, объяснить объективные закономерности его развития, механизм производства по причине неразвитости производительных сил и производственных отношений и считали, что для удовлетворения насущных потребностей людей достаточно ввести аскетический образ жизни. Поэтому, несмотря на остроумную и меткую критику буржуазного общества, представления Сен-Симона, Оуэна и Фурье о методах упразднения буржуазных порядков в основном носили абстрактный, умозрительный характер. «Первоначальный социализм был утопическим социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации. Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти общественную силу, которая способна стать творцом нового общества»[91].

---

[90] Ленин В. И., Полн. собр. соч., 5 изд., т. 23, с. 46.

[91] Там же. С 74.

Хотя Маркс и Энгельс признавали Сен-Симона, Оуэна и Фурье своими прямыми предшественниками и отцами-основателями социализма, но, по большому счету, они называли их учения утопическими. Вслед за Ежи Шацким можно свести всю критику марксистами утопического социализма к трем аспектам. Во-первых, утопический социализм пытался построить идеальное общество на основе абстрактных идей природы, справедливости, равенства, свободы и т.д. без оглядки на то, есть ли в наличествующем обществе средства для реализации этих идей. Зачастую такие утопии представляли собой полное отвержение реально существующего общества и прыжок в мир гармонии и справедливости. Напротив, марксизм не отрицает реально существующее общество, а ищет в нем крупицы нового. В этом смысле идеальное общество оказывается всего лишь будущим состоянием теперешнего. К тому же, утопический социализм не понимал или игнорировал материальные условия жизни общества, в отличие от марксизма, который придает решающее значение технологическим и экономическим возможностям общества. Первого, таким образом, больше волновал конечный результат, так сказать, готовое социалистическое общество, тогда как второго – пути перехода к нему.

Во-вторых, утопический социализм выводил образ будущего из абстрактных идей природы, справедливости, равенства, свободы и т.д. без учета условий и путей его формирования, а также общественных сил, которые способны воплотить социализм в жизнь. «Утопизм состоит, в частности, в абсолютизации абстрактных принципов, в требовании осуществить идеал здесь и теперь, хотя для этого нет материальных, социальных и психологических условий»[92]. «Общей чертой трех великих утопистов (Оуэна, Фурье, Сен-Симона) было то, что они не выступали в роли представителей пролетариата. По примеру философов XVIII века они хотят освободить сразу все человечество, а не сначала какой-нибудь определенный класс его, и подобно им хотят ввести царство разума и вечной

[92] Шацкий Е. Утопия и традиция. М. Прогресс. 1990.С.42

справедливости; но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума у просветителей. Буржуазный мир, построенный сообразно принципам этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку, как феодализм и все прежние общественные порядки. Истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были еще надлежащим образом познаны»[93].

Сен-Симон, Оуэн и Фурье воспринимали рабочих не более, как угнетенную страдающую массу, которой нужна помощь и жалость. В таком понимании пролетариату еще далеко до уровня самостоятельной исторической силы, способной воплотить в жизнь утопические мечты всех времен и народов, на который его вознес марксизм. Марксисты, в отличие от своих «утопических отцов», старались учитывать реальные исторические условия и возможности построения справедливого общества и поэтому понимали, что на пути к идеалу, возможно, придется изменить исходные идеологические формулы. Утопические же социалисты предпочитали скорее обойти вопрос о средствах перехода к справедливому обществу и размышлять о высоких идеалах, чем пожертвовать целостностью своего идеала во имя его осуществления, даже если при этом он останется абстрактной идеей.

В-третьих, утопическому социализму была присуща наивная вера в возможность спроектировать социалистический строй в мельчайших подробностях, начиная с интерьера комнат и заканчивая цветом одежды и распорядком дня. Действительно, по большей части, утопические миры представляют собой замкнутые системы, проекты-изобретения отдельных людей, из которых ничего нельзя убрать и к которым ничего нельзя добавить. Такие системы основаны на якобы постоянной природе человека и его потребностях, просчитав которые можно организовать удовлетворительное

---

[93] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 191.

во всех смыслах общество. «Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат находится ещё в очень неразвитом состоянии и представляет своё собственное положение ещё фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий прорыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»[94]. Такое видение мира имеет мало общего с трезвым анализом сложных механизмов общественных изменений. «Это опиум революционера — наркотик, вызывающий прекрасные сны, после которых наступает кошмарное пробуждение»[95].

Напротив, Маркс, будучи учеником Гегеля и живший в эпоху расцвета историзма, мог представить себе общественный идеал не иначе, как результат объективного исторического процесса, учитывавшего новые потребности человечества. С этой точки зрения, будущее нужно искать не в проектах отдельных людей, но в направлении экономического развития. Поэтому высказывания марксизма о будущем коммунистическом обществе свободы и творческого саморазвития, схожего с идеальными обществами некоторых утопистов, носят общий характер и разоблачают веру в конец истории и установление рая на земле. По сути, весь марксистский анализ утопического социализма можно свести к критике непризнания им тех рамок, которые накладывает на ход общественного развития исторический процесс.

С точки зрения учения Маркса и Энгельса, история всех до сих пор существовавших человеческих обществ была историей антагонизма классов угнетателей и угнетаемых, который всегда заканчивался революционным переустройством общества или общей гибелью враждующих классов. Современное буржуазное общество, вышедшее из недр погибшего феодального строя, не только сохранило классовые противоречия, но и

---

[94] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М. 1955. С. 456.

[95] Шацкий Е. Утопия и традиция. М. Прогресс. 1990.С.141.

поставило новые формы угнетения. Тем не менее, классовые противоречия упростились: общество раскалывается на буржуазию и пролетариат.

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Всюду, где она достигала господства, она разрушала феодальные отношения. «Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть»[96]. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и утвердила открытую и публичную эксплуатацию, ранее для приличия прикрытую религиозными и политическими иллюзиями. Буржуазия не могла существовать дальше, не совершив переворот в производстве и общественных отношениях. Она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. На смену старой национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и взаимная зависимость государств. Буржуазия создает новый мир по своему образу и подобию. Она постепенно концентрирует средства производства и собственность в руках немногих. Постепенно буржуазное общество со своими отношениями производства, обмена и собственности перестает справляться с созданным им же могуществом. Производственные силы возмущаются против производственных отношений, против тех отношений собственности, которые создают основу господства буржуазии (торговые кризисы). Производительные силы стали слишком велики для буржуазных производственных отношений, стали оковами для них. «Буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она

[96] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М. 1955. С. 439.

породила и людей, которые направят против нее это оружие, - современных рабочих, пролетариев[97]».

Пролетариат развивался параллельно буржуазии. Вследствие применения машин и разделения труда рабочий становится придатком машины, от которого требуются лишь простейшие навыки труда, обедняющие человека, отупляющие его. «Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они - рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно порабощает их машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива»[98]. С развитием промышленности пролетариат возрастает не только численно, но и все больше ощущает свою силу, ведь он является продуктом буржуазной промышленности и растет вместе с ней. Зарплата становится все меньше, а положение – неустойчивее, конфликт между двумя классами все больше обостряется. Рабочие создают коалиции для борьбы и иногда побеждают, но единственным важным успехом на этой стадии борьбы является все шире распространяющееся объединение рабочих. Пролетариат заставляет признать отдельные интересы рабочих на законодательном уровне (закон о 10ти часовом рабочем дне в Англии). Одновременно с пролетарским движением происходит внутреннее разложение самой буржуазии.

Первым шагом в рабочей революции, с точки зрения марксизма, является превращение пролетариата в господствующий класс, чтобы отобрать у буржуазии капитал и орудия производства и сконцентрировать их в руках государства (пролетариата). Далее должен быть проведен постепенный переход от капитализма к коммунизму благодаря следующей

---

[97] Там же. С. 440.

[98] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М. 1955. С. 441

программе реформ. Прежде всего, необходимо экспроприировать земельную собственность и обратить земельную ренту на покрытие государственных расходов. Во-вторых, ввести высокий прогрессивный налог и отменить права наследования. В-третьих, должно быть также конфисковано имущество эмигрантов и мятежников. Далее, провести централизацию кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией. В-пятых, необходимо провести централизацию всего транспорта в руках государства. В-шестых, обязательное увеличение числа государственных фабрик и орудий производства. Наконец, введение обязательной трудовой повинности, стирание границы между городом и деревней за счет объединения земледелия и промышленности, а также общественное и бесплатное воспитание детей и устранение их фабричного труда.

Согласно учению марксизма, политическая власть в собственном смысле слова есть организованное насилие одного класса над другим. Если пролетариат для борьбы с буржуазией объединится в класс и путем революции станет господствующим, он упразднит старые производственные отношения, в том числе буржуазную собственность (не собственность вообще), а вместе с ними и условия существования классовых противоречий, классы вообще, а тем самым и собственное господство как класса. В итоге общество придет к устройству ассоциации, в котором свободное развитие каждого является свободным развитием всех.

Однако, хотя Маркс и Энгельс подчеркивали научность своего учения, история политических обществ первой половины XX века наглядно показала, что марксизм имел возможность развития именно и только как утопическая идеология. Хотя марксизм понимал всю сложность своей задачи и старался не строить воздушные замки, как это, по его мнению, делал утопический социализм, невозможно отрицать наличие утопического элемента в марксистской теории, как, впрочем, во всех теориях того времени. В чем же состоит утопичность марксизма? Прежде всего, он утопичен с точки зрения

того определения политической утопии, о котором мы условились в самом начале – критикуя государственное и общественное устройство, он предлагает новый его проект, который взрывает политический, экономический и правовой порядок того времени. «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»[99].

Во-вторых, несмотря на стремление марксизма обойти вопрос о конечном результате революции, он все-таки имел представление об образцовом государстве, в котором «свободное развитие каждого является условием для свободного развития всех»[100], с точки зрения которого он и критикует буржуазный порядок. На мой взгляд, утопична сама уверенность в том, что результатом исторического процесса должно быть непременно справедливое государство, где все равны, свободны и творчески развиваются. Ведь человечество может двигаться не только от худшего к лучшему, но и наоборот. В этом смысле, провозглашая коммунизм логически необходимым результатом объективных исторических процессов, марксизм не только не разоблачает утопические картины будущего, но и укрепляет глубинные основания утопизма.

В-третьих, Маркс и Энгельс попытались представить пролетариат всеобщим классом, чьи потребности и интересы соответствуют интересам всего человечества, и чье сознание также является всеобщим, то есть научным. Утопичность этого положения стала ясна позднее, на индустриальной и информационной ступени развития капитализма, когда появилась тенденция не только к сокращению рабочего класса как части населения, но и к качественному его преобразованию. Являясь сегодня не столько классом, сколько профессией и уступив роль главной

---

[99] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 34.

[100] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М. 1955. С. 447.

производительной силы представителям интеллектуального труда, рабочие в составе профсоюзов борются уже не за политическую власть, а за выгодные условия труда.

Наконец, марксисты, как и представители утопической мысли, пытались определить общие принципы, на которых должно быть построено справедливое общество. Критика марксизма была направлена не столько на саму идею справедливого общества, выдвигаемую утопическим социализмом и разделяемую марксистами, сколько на методы его построения. В последнем тезисе и заключается главное расхождение марксизма и социализма начала XIX столетия.

Так или иначе, марксизм в своем учении впервые применил метод научного и социологического анализа социальных процессов, обличив их историческую обусловленность, идеологическую предвзятость и классовую ангажированность, хотя и не сделал это в отношении собственных оснований. Он также положил основы новой научной традиции, названной впоследствии социально-критической теорией, продолженной многими направлениями современной общественной мысли, в частности, Франкфуртской школой. Хотя капитализм со времен XIX века изменился, питаясь новыми источниками экономического роста, такими, как наука и информационные системы, он по-прежнему остается предметом критики, почетное место в которой все еще занимает марксизм.

Заключение

Таким образом, был проведен историко-философский анализ политических утопий, в результате которого можно сделать следующие выводы. Во-первых, политическая утопия является социальным феноменом, сопровождающим человечество на протяжении всей его совместной жизни и во многом определяющим его развитие. И хотя первые утопии Платона, Мора и Кампанеллы являются не более, чем рассказами о выдуманных странах, именно они впервые поставили под сомнение существующий порядок власти, права и отношения между людьми. Именно мечтатели-утописты впервые подумали «а ведь мы можем жить лучше» и, тем самым, создали тот фундамент, на котором строили свои рассуждения Фурье, Маркс и Энгельс и лежащий сегодня в основе социальной политики наиболее благополучных и развитых стран. Политическая утопия подвергает сомнению самоочевидность, естественность и неприкосновенность власти и общественного порядка, допуская, что они могут быть принципиально иными, лучше и совершеннее, и это допущение помогает человеческому двигаться вперед на пути совершенствования совместной жизни.

Во-вторых, политическая утопия всегда имеет исторические и культурные основания, то есть всегда являются продуктом определенной эпохи, в которой, в свою очередь, развиваются различные течения мысли. Так, политическая утопия эпохи Просвещения и Нового времени (естественного права и классического либерализма) закономерно имеют рационалистический характер и тяготеют к универсальному мировому порядку, в котором царят объективные и вечные законы Бога, Природы, Морали и Права, с которыми необходимо согласовать социальный порядок.

Однако для XIX столетия, века истории, политическая утопия оказывается продуктом исторического процесса, обусловленным обществом, находящимся на конкретной ступени своего развития. В то время как для рационалистической утопии характерно абстрактное представление о человеке как о «tabula rasa», независимого от исторических и социальных условий своего существования, политическая утопия XIX века говорит об обусловленности и относительности природы человека.

В-третьих, историко-философское исследование социалистических общин, впервые попытавшихся реализовать принципы идеального государства, показало, что политическая утопия может существовать только как инструмент критического осмысления качества государственного и общественного устройства. С одной стороны, теоретической базой социалистических общин было слишком упрощенное и одностороннее преставление об общественной жизни, которая оказалась слишком сложной и неоднозначной, чтобы ее можно было организовать на основе нескольких простых принципов, а даже если и можно, никто не сможет гарантировать, что идеальное общество будет функционировать строго по намеченному плану. Ведь общество – не машина, действия которой можно просчитать и учесть все возможные неожиданности. Поэтому для устранения «отклонений от совершенного плана» неизбежно будет необходимо насилие, посредством которого можно привести общественное бытие в согласие с абстрактным идеалом.

С другой стороны, ошибочным было представление политической утопии о природе человека. При попытках построения идеального государства всегда предполагалось, что она постоянна и поэтому все ее нужды и возможности можно просчитать, а затем спроектировать наиболее подходящее с этой точки зрения государство. А поскольку причиной всех недостатков человека, вообще-то добродетельного и рационального от природы, являются неблагоприятные социальные условия и недостаток духовного воспитания, то человеку достаточно оказаться в условиях разумно

организованного порядка, чтобы мгновенно измениться в лучшую сторону. Однако, как показал опыт реализации государства всеобщего благоденствия и еще раньше социалистических общин, чрезмерное материальное благополучие и защищенность прав и свобод не только не совершенствует человека духовно, но даже разлагает его морально, делая ленивым и инфантильным, что в итоге подрывает сами основания государства.

Как бы то ни было, политическая утопия имеет и преимущества. Она не принимает наличное общественное бытие как безоговорочную данность, бесконечно сравнивая его с вечными и бесценными идеалами свободы, равенства, верховенства закона и права, идеалом достойной Человека жизни, чем, безусловно, заслуживает признания своей ценности и важности. Наконец, мир без утопии, любой, в том числе политической, тускнеет и теряет свою привлекательность. «В будущем реально можно добиться абсолютного отсутствия идеологии и утопии в мире, где нет больше развития, где все завершено и происходит лишь репродуцирование. Но уничтожение всякой трансцендентности бытия в нашем мире приведет к такому прозаическому утилитаризму, который уничтожит человеческую волю... Исчезновение утопии создаст статичную вещность, в которой человек и сам превратится в вещь»[101].

---

[101] Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: 2004.С. 219.

Список использованной литературы

1) Кирвель Ч.С. Утопическое сознание: Сущность, социально-политические функции. Минск. 1989. 230 с.

2) Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: 1982. 337 с.

3) Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М.: 1965. С.256.

4)Гесиод. Работы и дни [Электронный текст]. URL: http://www.ae-lib.org.ua/texts c/hesiod__opera_et_dies__ru.htm (Дата обращения 9.05.2017).

5)Платон. Государство [Электронный текст]. URL: http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos06.htm (дата обращения 10.02.2017).

6) Хен Ю.В. Цели и средства евгеники (этический и естественно-научный статус дисциплины)//Философия науки и техники. 2005. Т. 11. № 1. С. 243-260.

7) Шацкий Е. Утопия и традиция. М. Прогресс. 1990. 456 с.

8) Свентоховский А. История утопий: От Античности до конца XIX века. М.: Книжный дом «Либроком». 2012. 448 с.

9) Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. М.: Правда. 1989. 608с.

10) Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир. 1994. 868 с.

11) Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html#21 (Дата обращения 15.03.2017).

12) Локк Дж. Два трактата о правлении. [Электронный текст]. URL: http://royallib.com/read/lokk_dgon/dva_traktata_o_pravlenii.html#538447 (Дата обращения 15.03.2017)

13) Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. [Электронный текст]. URL: http://lib.ru/FILOSOF//RUSSO/prawo.txt (Дата обращения 16.03.2017).

14) Волгин В. П. Очерки по истории социализма. М. Л., 1935. С. 160—161.

15) И. Берлин. Две концепции свободы. [Электронный текст]. URL: http://www.inliberty.ru/library/151-dva-ponimaniya-svobody (Дата обращения 3.05.2017).

16) Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. М.: Социум. Три квадрата. 2003. 200 с.

17) Ролз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ. 2010. 536 с.

18) Сидорина Т.Ю. Операция «Welfare state»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблему идеального государства? // Terra Economicus. №3. Т.10. 2002. С. 84-99.

19) Оуэн Р. Избранные сочинения в 2х томах. Академия Наук СССР. М.-Л. Т. 2.1950. 352 с.

20) Фурье Ш. Новый промышленный и общественный мир. Государственное социально-экономическое изд. М.: 1939. 460 с.

21) Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: 1955. 595 с.

22) Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: 1955. 480 с.

23) Мангейм, К. Диагноз нашего времени. М.: 2004. 704 с.

24) Ленин В. И., Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 23. М.: 1990. 560 с.

25) Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М.: 1955. 607 с.

Список нитернет-ресурсов

1) Научная электронная библиотека Elibrary. URL: http://elibrary.ru/titles.asp

2) Научная электронная библиотека Киберленинка URL: http://cyberleninka.ru/

3) Электронная библиотека Гражданское общество в России URL: https://www.civisbook.ru/

4) Электронная библиотека Inliberty URL: http://www.inliberty.ru/library

5) Электронная библиотека Lib.ru URL: http://lib.ru/FILOSOF//RUSSO/prawo.txt

6) Электронная библиотека Royallib.com URL: http://royallib.com/read/lokk_dgon/dva_traktata_o_pravlenii.html#0

7) Электронная библиотека Psylib URL: http://psylib.org.ua/index.html